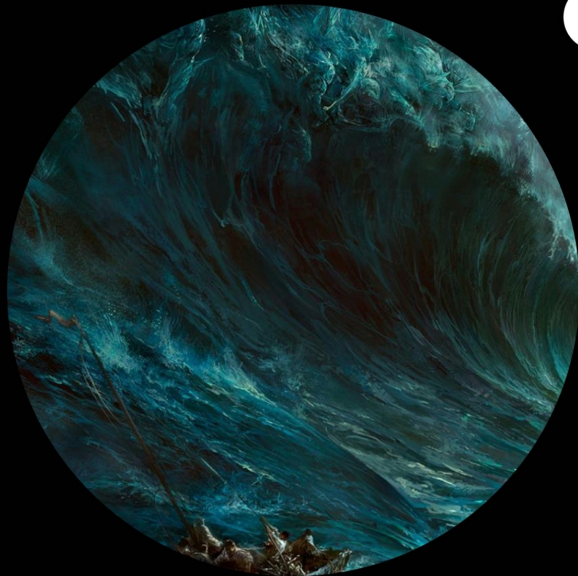

Алиса Макарова

16+

Коварство потаённых

Проклятие Прибрежной * Заклятый Грот * Омут

Алиса Макарова

Коварство потаённых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57088793

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-03981-0

Аннотация

Тёмная сила потаённых желаний коварна. То пленив, то вновь упуская свою добычу, Гарв идёт по следу. Полная Луна почти на исходе, и лишь зловещее колдовство решит, станет ли предназначенная ему Прибрежная долгожданным даром или продолжением родового проклятия. Чудом выжив в схватке с озёрным монстром, Йомен натывается на Русалочьи слёзы, сулящие воплощение в жизнь самого сокровенного. Он и не подозревает о чёрных чарах Заклятого Грота, готовящих для него жестокую расплату. В ночь Ивана Купалы Ниов становится свидетелем колдовского купания. Речная дева не оставит его, и раз за разом пробуя избавиться от наваждения, он поймёт, как всё глубже засасывает его кровожадный омут русалочьих чар.

Содержание

Проклятие Прибрежной	5
Глава 1. Болото	5
Глава 2. Прибрежная	9
Глава 3. Пиршество	13
Глава 4. Древняя Чаша	15
Глава 5. По следу	18
Глава 6. Пленница	21
Глава 7. Находка	25
Глава 8. Логово	28
Глава 9. Клятва	36
Глава 10. Пронзенный	45
Глава 11. Дубрава	52
Глава 12. Видение	56
Глава 13. Дары	61
Заклятый Грот	65
Глава 1. Пещера	65
Глава 2. Ярмарка	70
Глава 3. Меченые	73
Глава 4. Колдовское озеро	78
Глава 5. Слеза	84
Глава 6. Живой	89
Глава 7. Вести	92
Глава 8. Ультиматум	97

Глава 9. Управа	100
Глава 10. Маришка	103
Глава 11. Цыган	107
Глава 12. Возвращение	115
Глава 13. Туман	120
Омут	123
Глава 1. Огонь	123
Глава 2. Купание	127
Глава 3. Омут	133
Глава 4. Прядь	136
Глава 5. Колодец	141
Глава 6. Гордей	149
Глава 7. Охота	152
Глава 8. Чернокнижник	156
Глава 9. Слепота	164
Глава 10. Засада	167
Глава 11. Прозрение	169
Глава 12. Ворожея	171
Глава 13. Слеза	179

Алиса Макарова

Коварство потаённых

Проклятие Прибрежной

Глава 1. Болото

Дышать было тяжело. Болотные испарения поднимались над чернильной гладью воды и зловонным маревом нависали над пустошью. Едкий запах пропитывал рубашку, проникал в нос, глаза, уши, протекал во все поры. Временами Гарву казалось, что даже во рту он ощущает тошнотворный гнилостный привкус.

«Повезло же этому отбросу!» – пронеслось в голове, и он злобно поглядел в спину весело шлепавшему впереди ивашке.

Созданные Первыми Колдунами на Заре Времен с единственной целью охотиться на людей, ивашки чуяли только запах Прибрежных. Их обоняние, пропитанное черными чарами, отсекало все остальные ароматы как несущественные, и только ненасытная жажда крови гнала их вперед. Хоть ивашки и считались примитивными существами, ведомыми лишь животными инстинктами, в эту минуту Гарв завидовал

им.

Шел уже третий час, как они пробирались сквозь Топь, а до рассвета оставалось пройти еще столько же. Единственным, хотя и слабым, утешением для Гарва была предстоящая охота. Если бы еще он мог хоть как-то притупить этот запах!

Совершенно нечувствительный к смраду, ивашка быстро перебирал своими длинными тростинками ног. Он знал эти места и уверенно выбирал дорогу посуше меж пушистых зеленых кочек.

Покрытые ковром изо мха и усыпанные флуоресцентными грибами, они светились в темноте, испуская по-домашнему уютное оранжевое сияние. Прислушавшись, можно было даже различить негромкое потрескивание, как в камине у домашнего очага. Но эта приветливость была обманчива. Стоило лишь оступиться и угодить подошвой на податливую мшистую поверхность, как сперва ощущалось приятное тепло, а потом нога начинала гореть, будто в огне. Кожа краснела и вспучивалась пузырями, которые надувались все больше и больше, достигая размеров налитой сливы, и через несколько дней лопались, извергая сочащуюся зеленоватую гнойную жижу со спорами и оставляя после себя глубокие багровые рубцы. Так размножались дьявольские грибы.

Поэтому-то Гарву и нужен был ивашка. Похожий со стороны на огромную косиножку, не делая ни одного неверного шага, он вел Гарва к той самой деревне, где, как он утверждал, на днях и видел Прибрежную. Конечно, верить его

словам было последним делом. Коварство и хитрость ивашек не знали границ. Движимые неутолимой жадой, они в любой момент могли предать и воткнуть нож ему в спину, чтобы потом сдать пленного Гарва какой-нибудь окрестной ведьме в обмен на склянку Прибрежной крови.

Будь его воля, Гарв в жизни бы не связался с таким отребьем, но сейчас выбора не было. Месяц Полной Луны близился к концу, и через четыре дня отпущенное ему время истекало. В голове вновь зазвучал визгливый голос, сквозь гул и треск огня выкрикивавший слова проклятия: «Лишь та принесет тебе дитя, в чьих вена течет кровь Первой Прибрежной, и Полная Луна соединит вас, а иначе род твой прервется навеки!»

Ровно через четыре ночи Полная Луна пересекала Рубеж, уступая место на небе Пяти Месяцам. Это означало, что следующий шанс зачать наследника откладывался еще на полсотни лет. На самом деле Гарв никогда до конца не верил в правдивость предсказания. На протяжении всех этих лет он лишь посмеивался над решимостью отца, уважаемого всеми старосты в их деревне. Каждого путника, кто проходил через те места, отец неизменно тащил к себе в дом, где усаживал за стол, предлагая отобедать, и подробно расспрашивал, не слышал ли тот о появлении Прибрежных. Такое маниакальное упорство во что бы то ни стало снять проклятие и отыскать ту, что спасет весь его род от угасания, вызывало у Гарва улыбку, которая с годами переросла в раздражение. Сам он

уже давно смирился с тем, что станет последним из рода. Та ведьма, которую они загнали в пещерах и сожгли на костре, оказалась права. Если бы Гарв составил в ряд всех юных дев, зрелых селянок и почтенных деревенских матрон, которых он перебрал, пытаясь получить долгожданного наследника, их можно было бы использовать как частокол, окружив всю долину. Вот и в этот поход он отправился, лишь когда отец заставил его дать клятву на крови, что Гарв сделает все возможное, чтобы проверить слух и привести в дом Прибрежную.

Он не признался бы в этом и самому себе, но в самом отдаленном уголке его сознания теплился огонек томящейся надежды, тоненьким голоском звеневший: «А вдруг?»

Та ведьма и впрямь была сильна. Они выследили логово и гнали ее три дня, а когда зажали в кольцо у горной пещеры, она дралась за жизнь как дикая кошка, насквозь проткнув острой железной спицей его брата и чуть не выцарапав острыми когтями глаза самому Гарву. Уже стоя на костре, она не молила о пощаде, не заклинала небеса помочь ей, а, впившись бездонными черными глазами прямо в окровавленное лицо Гарва, сквозь пляшущие на ветру всполохи пламени сверлила его взглядом и хохотала.

Глава 2. Прибрежная

Деревня лежала на краю пропасти. Аккуратные хижины располагались одна за другой строго вдоль кромки обрыва. Освещенная солнцем, вдали шумела река, бурлящим водопадом низвергаясь в то самое ущелье, на дно которого с высоты спускались вырубленные в скалах каменные ступени. Прибрежные всегда селились у воды. Быстрый поток в случае внезапного нападения позволял им за считанные минуты запрыгнуть на плоты и умчаться прочь от смертельной опасности.

Для остальных селян Прибрежные были кем-то вроде жрецов. Они жили в согласии с природой, занимались сбором трав и наблюдением за звездами, и отрицали всякое насилие. Ходили слухи, что на Заре Времен они получили силы целительства, взамен лишившись возможности причинять физический вред. Даже в случае непосредственной угрозы жизни, стоя с оружием в руках, Прибрежные не могли воспользоваться им, чтобы хотя бы ранить врага. Руки не слушались их, и они становилась легкой добычей для окрестных общин.

В былые времена набеги были обычным делом. Используя ивашек, чтобы выследить поселение Прибрежных, селяне не стеснялись нападать даже днем. Мужчин уводили, чтобы они работали на полях, а женщин – чтобы смотрели за

детьми и делали всю грязную работу по дому. За каждого такого работника на ярмарке можно было выручить целый золотой. Но больше всего ценились девушки. Прибрежные всегда славились красивыми дочерьми, которых охотно брали в плен, чтобы потом за мешок золотых монет продать на той же ярмарке колдунам-чернокнижникам. Будучи знатоками темной магии, те опаивали их зельем, подавляющим всякое сопротивление воли, и преподносили в дар местным князьям.

Скрываясь от набегов, Прибрежные уходили все дальше, отыскивая укромные уголки в горах, куда было трудно добраться. Здесь же спасением им служила сама пропасть. В самом узком месте через нее была перекинута доска, достаточно широкая для того, чтобы быстро перебежать по ней на ту сторону, и достаточно легкая, чтобы, оказавшись в безопасности на другом краю, одним движением столкнуть ее вниз.

Скрытый в расщелине меж двух гигантских камней, Гарв наблюдал за деревней, высматривая какую-нибудь девушку, как вдруг что-то просвистело мимо него и воткнулось в крышу ближайшей хижины. Послышалось непонятное шуршание, раздался хлопок, и соломенная крыша занялась огнем. За ней вспыхнула соседняя хижина, еще две поодаль, загорелось и сено в телеге, оставленной посреди двора. Испуганные люди начали выбегать из дверей, ища убежище под градом пылающих стрел. Многие бросились навстречу Гарву.

Справа от него послышался разрозненный топот сотен ног и бессвязные крики. Высунувшись из-за камня и глянув в ту сторону, он увидел бегущую толпу ивашек, машущих кривыми мечами и на ходу ловко стреляющих из лука. Выругавшись про себя, Гарв проклял предателя ивашку. Напав вчера на след одинокого Прибрежного, который и привел их в эту деревню, он видимо решил, что вознаграждение, заплаченное Гарвом, недостаточно велико, и кинул клич своим сородичам, чтобы те подоспели на помощь. Ясно было одно: ивашки хотели разорить деревню, пленив и продав всех ее жителей.

Медлить было нельзя. Убедившись, что его никто не видит, Гарв покинул укрытие и, пригнувшись, размашистыми шагами побежал к ближайшей хижине. Крепко сжимая в руке меч, он завернул за угол, как вдруг в него внезапно врезалось какое-то тело. На секунду отпрянув от неожиданности, он быстро схватил чужую руку, дернул к себе и окаменел. Пара испуганных девичьих глаз смотрела на него из-под накинутаго капюшона, а рука елозила, пытаясь вырваться из цепкого захвата. Это была Прибрежная. Сообразив, что его миссия выполнена, и ему пора уносить ноги, а то не хватало еще подраться с целым отрядом ивашек, он выудил из кармана штанов веревку и принялся обматывать руку девушки. По-видимому, осознав, что противостоять одному налетчику выгоднее, чем целой сваре, она не издала ни звука, но, внезапно присев, бросилась ему под ноги, и они клубком по-

катились по траве. Прижав его плечо к земле, девушка рывком дернула запястья так, чтобы лезвие меча скользнуло по натянутой веревке. Острая сталь вмиг рассекла сдерживавшие ее путы, и Прибрежная, не дав Гарву опомниться, пригоршней зачерпнула дорожную пыль и сыпанула ему прямо в глаза. Скользнув мимо захваченного врасплох Гарва, она ринулась к видневшейся неподалеку одинокой скале. Полуослепший, он кинулся за ней, но глаза жгло адским огнем, и, пару раз запнувшись, он приотстал от незнакомки. Она же, домчавшись до подножия скалы, без колебаний перебросила доску через ущелье и в мгновение ока уже оказалась на той стороне. Глядя прямо в глаза подбежавшему Гарву, одной ногой она столкнула в пропасть край доски, на секунду разомкнув губы, будто пытаясь что-то произнести. Но вместо этого развернулась и легко скользнула меж больших валунов, скрывшись из виду на той стороне.

Глава 3. Пиршество

Она и вправду была очень красива, Гарв не мог не признать это. Он немного успел рассмотреть, но дымчатые глаза, янтарные крапинки в которых пылали раскаленным золотом от ярости, и мягкие рыжие пряди, скользнувшие по его руке, вновь и вновь всплывали перед его глазами. Главным же было то, что он ощутил, когда пытался удержать рвущуюся на свободу девушку. Это незнакомое доселе чувство собственности. Ему хотелось поймать ускользнувшую из его рук незнакомку, и сделать так, чтобы она больше не покидала его. Новое чувство было сродни обладанию мастерски выкованным мечом, один вид которого заставлял сердце биться в неумолимом желании не выпускать его из рук. Гарв инстинктивно сжал кулак, и тонкая ветка, которой он машинально чертил бессмысленные знаки на песчаной отмели, хрустнула, раздавленная напололам под его напором. Однако расслаживаться было нечего.

Будь его воля, Гарв пошел бы напролом, и, устроив засаду на заболоченной пойме, лениво поджидал бы свою жертву, словно паук, раскинувший сети и замерший в предвкушении добычи. Но все карты спутали ивашки. Переправившись через ущелье с помощью веревки, прежде чем затеряться в нагромождении останков скал, он оглянулся и кинул последний взгляд на догорающую деревню. Его вдруг поразила по-

висшая тишина. Не было слышно ни криков женщин, ни стонов раненых, ни одного свидетельства сопротивления Прибрежных. Первое, что он заметил – ивашки наводили переправу. С десятков долговязых созданий тащили на себе куски от разломанных хижин, бросая их на самом краю пропасти, где прочие, вооружившись трофейными топорами, уже готовились сколачивать подобие моста. Пленные Прибрежные были выстроены в ряд, а самый первый из них стоял на коленях. Руки каждого из них были связаны за спиной. Охраняющий их часовой расхаживал чуть поодаль, подпрыгивая от нетерпения и поигрывая серповидным мечом. Из-за дальней хижины показалась пара ивашек. Они несли что-то громоздкое, напоминающее формой ящик или сундук. Подойдя к пленным, они поставили чудной предмет на землю. Это оказалось большое корыто. Его установили перед первым пленником так, чтобы упав ниц с перерезанным горлом, Прибрежный угодил лицом и шеей прямо внутрь. Сталь блеснула на солнце, кривой меч со свистом рассек воздух, и Гарв отвернулся. Ивашки готовились к пиршеству.

Глава 4. Древняя Чаща

По всей видимости, это не было рядовым набегом. Обычно ивашки избегали уничтожения пленных на месте, предпочитая скопом перегнать тех на ближайшую ярмарку и выручить за них приличную сумму. То, что они решились на кровавую трапезу, могло означать только одно – деньги им были не нужны. Вероятно, они были наемниками, получившими заказ от какого-то чернокнижника. Рассчитанные по фазам Пяти Месяцев, такие заказы поступали нечасто, но темные колдуны были готовы платить утроенную сумму за Прибрежных, которых они использовали в своих зловещих ритуалах. Сделка завершалась распитием зелья из ядовитого кубка, и у ивашек просто не оставалось выбора, кроме как преследовать свою жертву до конца, чтобы скорей доставить ее заказчику, иначе через несколько дней яд начинал действовать, их кровь чернела и запекалась изнутри.

Все указывало на то, что в деревне ивашки не нашли требуемое, а наведённый мост наводил на мысль, что его беглянка и была их желанной добычей. Ночью со скал Гарв видел, как, успешно преодолев преграду, ивашки группами прочесывали лес. Теперь ситуация осложнялась. Рассчитывать на засаду он больше не мог, опасаясь, что ивашки найдут Прибрежную первыми. Приходилось быть вдвойне осторожным, прокрадываясь по следу беглянки и избегая столкновения с

ивашками. Но самым коварным противником был сам лес.

За свои тридцать лет, Гарв был немало наслышан про Древнюю Чашу: жуткие истории о пропавших охотниках, зашедших слишком глубоко в дебри, леденящие душу байки о злобных тварях, таящихся в сплетении ветвей, зловещие стенания сожжённых ведьм о восставшей тьме, что низвергнет кару на голову всех человекорожденных. Нет, Гарв не боялся. Однако такой лес он видел впервые. Здесь не было ни живых деревьев, шелестящих на ветру зеленой листвой, ни мягкой травяной подстилки под ногами, ни щебечущих птишек, порхающих с ветки на ветку. Лес был мертв. Древняя Чаша представляла собой кладбище деревьев. Черные стволы вздымались ввысь, голые и безрадостные, их толстые узловатые ветви вились над головой и изогнутыми змеями сплетались в невообразимый клубок настолько плотно, что в лесу всегда царил полумрак. То тут, то там через тропу перекидывались огромные корни, покрытые корявой бугристой корой, местами настолько острой, что запнувшись о такую, легко можно было располосовать себе стопу. Ни одной травинки не пробивалось сквозь утрамбованный ковер из трухи и полусгнивших вековечных листьев, должно быть опавших еще на заре эпохи.

Гарв продвигался бесшумно, непрерывно скользя острым взглядом по сторонам и внимательно прислушиваясь. По правую руку он слышал отрывистое карканье воронов, которые гнездились на скалах у реки. Река была единственным,

что хоть как-то оживляло это царство мертвых. Бурля и пенясь на перекатах, быстрый поток, берущий начало у водопада, без труда находил дорогу сквозь каменные валуны и нес свои воды дальше, до самой Болотной Пустоши. Туда-то и направлялась беглянка.

Глава 5. По следу

Едва первый луч Рассветного Месяца озарил острые зубцы скал, превратив их в обгаренные наконечники копий, Гарв был уже на ногах. Еще с вечера он напал на след Прибрежной. Рожденная быть частью природы, она умело сливалась с вероломным лесом, кружа потайными тропами Древней Чащи и избегая открытых полян. Но Гарв был слишком опытным охотником, чтобы попасться на ее уловки. Цепочки следов на податливой после дождя почве, надломанные ветки, чуть примятая лесная подстилка – все это интуитивно складывалось в его голове в цельную картину. Чутье не обмануло его – девушка отходила на восток, к болотам.

Где-то в глубине Древней Чащи, скрытая в полумраке хитросплетения недружелюбно настроенных ветвей, крадучись, аккуратно ступала ее нога.

Гарв выругался. Погруженный в свои мысли, он неловко поставил пятку и угодил в едва заметную расщелину между скрученными корнями. Он дернулся раз, другой. Шершавые отростки намертво впились в кожу, сомкнувшись на голени, как зубья коварного капкана. Сделав еще несколько энергичных, но тщетных попыток освободиться, Гарв собрал волю в кулак и, упираясь свободной ногой в землю, что есть силы откинулся назад. Раздался вызывающий мурашки скрежет раздираемой плоти, и его стопа выскочила из ловушки,

вспаханная глубокими свежими бороздами, на которых крошечными бусинками уже быстро начинали алеть капельки крови.

Чертыхнувшись еще раз, он оторвал от края штанины лоскут ткани и, туго обмотав разодранную ногу, сделал пару пробных шагов. Ступать было больно, но терпимо.

Остановившись, чтобы затянуть узлами концы обмотки, Гарв вдруг услышал слева за деревьями легкий хруст. «Ивашки!» – пронеслось у него в голове. Мигом выпрямившись, он замер как был, стоя на одной ноге, рукой крепко сжимая рукоять меча и стараясь не издавать ни звука.

Треск больше не повторялся. Вокруг все было тихо, лишь в отдалении слышался шум бегущего потока. Решив рискнуть, Гарв мысленно призвал на помощь богинь Пяти Месяцев и ринулся сквозь чащу напролом в направлении звука, не разбирая дороги. Обмотанная стопа тут же зацепилась за какую-то корягу, повязка слетела, но он не стал задерживаться, чтобы поправить ее, а в три прыжка пролетел под раскидистыми ветвями и выскочил к подножию исполинского кедра. Черный как смоль гладкий ствол тянулся в высоту, насколько хватало взгляда, а ветви были натканы так густо и были настолько длинными, что их переплетение образовало шатер почти идеальной окружности, держа все остальные стволы вокруг на почтительном расстоянии. Здесь никого не было, но Гарв потянул носом вправо-влево и вдруг почувствовал едва уловимый запах – аромат свежих листьев после

дождя. Повинуясь своему нюху, он кинулся влево, за кедр, и дальше через терновый кустарник. Колючие шипы продрали ему щеку, но он уже видел свою цель и, с силой пробиваясь сквозь так и норовившие скрутить и опутать его прутья, рвался вперед. Еще пара мгновений, и он выскочил на открытый участок.

Еле приметная тропа выныривала из-под дальнего бурелома и пряталась за большим поросшим мхом валуном. Обогнув валун, Гарв остановился. Тропа вывела его на берег реки и здесь обрывалась. Впереди шумно бурлила стремнина, слишком бешеная, чтобы пытаться ее переплыть, и слишком глубокая, чтобы перейти вброд. Чуть дальше за валуном вверх вздымалась отвесная скала, нависая над горным потоком, словно зверь, припавший к водопою.

«Да где же она?» – в нетерпении подумал Гарв. Он точно знал, что почти догнал ее, и ясно видел, что прятаться здесь было негде. Что-то прошуршало за его спиной, и сверху посыпались каменные крошки. Резко вздернув вверх свой меч, он развернулся лицом к валуну и едва не вонзил острое лезвие ей в колено. Прильнув спиной к каменной стене, девушка пыталась удержаться на узеньком карнизе, будто желая вжаться в скалу, на которой и зацепиться то было не за что. Вновь доставая уже знакомый моток, Гарв улыбнулся впервые за много дней. Богини Пяти Месяцев не подвели его и в этот раз.

Глава 6. Пленница

Теперь они пробирались через болото вместе. Впереди уже не было несуразно ступающего ивашки, и Гарв напрягал всю свою память, внимательно выбирая дорогу и пытаясь ставить ногу лишь на те клочки суши, которые казались ему наименее коварными. Он был настолько сосредоточен, что даже зловонные запахи, едва успевшие выветриться из его одежды, больше не докучали ему. Не желая выпускать пленницу из виду, он пустил Прибрежную вперед. Мало ли что гласили древние легенды, пойманная, она могла оказаться не такой уж и покорной, хоть он и затянул веревки как можно туже, скрутив ее такими узлами, что, пожалуй, и лучший конокрад не смог бы их распутать.

Сейчас Гарв предпочитал не рисковать. Второй день был на исходе, и ему оставалось всего двое суток, чтобы разрушить проклятие. Глядя Прибрежной в спину, на которой под тонким летним платьем проступали худенькие лопатки, он думал о том, что все складывалось более чем удачно. Это и было странно.

Припертая к стене, она почти не сопротивлялась, когда он стащил ее с карниза и, приставив меч к горлу, заставил опуститься на колени. Обматывая веревкой хрупкие запястья, он действовал быстро, каждую секунду ожидая подвоха: поднятого с земли камня, рывка в сторону тропы или прыжка в

спасительные воды. Но нет, она молча дала связать себе руки, а потом также молча зашагала впереди него обратно по той самой тропе. Конечно, весомым аргументом в его пользу стало ощущение холодного металла, приставленного к ее спине. Гарв всегда говорил, что меч – лучшее средство убеждения в спорах, и все же расслабляться не стоило. Впереди был долгий ночной переход, но сначала нужно было пересечь топь.

Девушка ступала мягко, почти беззвучно погружая босую стопу в пузырящуюся мутную жижу. Казалось, Болотная Пустошь не пугала ее. Ни смрад гнилостных испарений, ни противное склизкое ощущение под ногами не вызывали в ней никаких эмоций.

Держа острие меча вплотную к тому месту, где сходились обе лопатки, Гарв изучал ее затылок. Ласковые рыжие пряди теперь были собраны в подобие пучка высоко на макушке, лишь пара выбившихся локонов спускалась на нежную шею, которая выглядела одновременно соблазнительно и невинно.

«Готов хоть сейчас поставить целый мешок золотых, чтобы узнать, сбудется ли предсказание старой ведьмы», – подумал он.

Внезапно девушка вскрикнула и повалилась на бок. Гарв едва успел отдернуть свой меч, чтобы не проткнуть ее насквозь. Она ухватилась за ногу, и, бросившись на колени, он увидел, как прямо на глазах кожа на её щиколотке розовеет. Наливаясь пунцовым цветом, прежде белая гладь будто бы

растянулась и стала лосниться. Прямо в середине надувалась волдырь. Только этого им не хватало! Должно быть, она наступила мимо кочки и угодила ногой прямо на рассадник ядовитых грибов. Прижимая к себе изувеченную ногу, девушка не произносила ни звука, но Гарв видел, как у нее на глазах навернулись слезы, и она изо всех сил пытается сдержать крик. «Погоди», – торопливо бросил он ей и, запустив руку в карман, выудил оттуда что-то наподобие яйца. Строго говоря, это и было столь любимое ведьмами яйцо золотой стрекозы – незаменимое средство при любых повреждениях. Требовалось всего лишь счистить скорлупу и размазать студенистую массу по всей поверхности раны. В один миг Гарв соскреб шершавую оболочку, и, протянув руку, поближе придвинул к себе стопу девушки. Нога подалась, но вдруг что-то тяжелое со всей силы обрушилось ему на голову и, потеряв равновесие, он полетел лицом вниз, прямо в болотную жижу. Выплюывая изо рта остатки мха и куски грибов, он уже успел понять, что это Прибрежная, молниеносно встав, всем весом обрушилась ему на плечи. Лицо начинало жечь огнем, и только тут Гарв разгадал ее хитрый план. Он даже успел удивиться стойкости этой беззащитной с виду девушки, готовой добровольно сунуть ногу в ядовитую грибницу, лишь бы разыграть свой маленький спектакль. Ну, ничего, он и не такое переживал. Покачиваясь, Гарв нащупал рукой меч, но было уже поздно. Метнувшись в сторону, Прибрежная уже мчалась вперед через топь, не разбирая дороги,

словно испуганная лань. Он кинулся было за ней, но его веки уже взбухли, горя адским пламенем, кожу будто облили кипятком, губы онемели от яда и, заливаясь слезами, он как подкошенный, рухнул обратно в топь.

Глава 7. Находка

Гарв был зол. Его лицо все еще позуживало от проклятых грибов, но опухоль уже спадала, и он мог отчетливо видеть. Ему повезло, что падая, он не выпустил из рук яйцо. Только мгновенно размазанная по коже слизь спасла его от слепоты. Ну, теперь-то он поквитается с ней. Провалившись в тине остаток вечерней зари, Гарв окончательно пришел в себя и в ночи сумел кое-как продолжить свой путь. Благодаря чудодейственной силе золотой стрекозы, пузыри больше не сочились гноем, а к утру и вовсе сошли, оставив после себя уродливые красные рубцы.

Решив не рвать напролом, а для начала выбраться из осточертевшего ему болота, Гарв проследовал по тропе до самого конца, пока она не вывела его на твердую почву. Здесь он уже мог ориентироваться. Прямо за топью начинался Бесконечный Луг, зеленой пелериной мягкого разнотравья раскинувшийся на много километров. То тут, то там пестрели островки ярких цветов. Можно было шагать и день, и два и не встретить ни единого деревца.

По эту сторону Пустоши дул легкий ветерок, дышалось легко, и воздух был наполнен гудением шмелей и жужжанием прочих оживленных букашек. Уповая на то, что Прибрежная сумела успешно выбраться из болота, и прикинув примерное направление, Гарв зашагал туда, с наслаждением

скользя босыми ногами по шелковистой глади травяного моря. Отсутствие деревьев также означало отсутствие всякого укрытия, и теперь он точно знал, где ее найдет. Тот самый поток, что протекал под сумрачными сводами Древней Чащи, оживляя ее тысячелетнее безмолвие, огибал топь чуть дальше к востоку и продолжал свой путь в небольшом овраге, сокрытый от посторонних глаз. Несведущий путник никогда не догадался бы, что в середине этой ровной, словно сковорода, благодатной долины, есть спрятанный лог.

Ускорив шаг, Гарв направлялся туда. Чувствуя разливавшееся по телу тепло от взошедшего Полуденного Месяца, он размашисто мерил луг, спеша к своей цели. Вдалеке среди бойкого стрекотания кузнечиков и шелеста волнующейся на ветру травы уже можно было различить слабое журчание ручья. Добравшись до крутого обрыва, Гарв осмотрелся. Влево, насколько хватало глаз, уходили отвесные склоны Потайного Лога, словно муравейник, пронизанные птичьими гнездами. Справа шел участок галечной отмели, за которым ручей круто изгибался и исчезал из виду. Пригнувшись и стараясь не издавать ни единого звука, Гарв наклонился над обрывом и, цепляясь за ссохшуюся земляную корку, повис на руках. Секунда, и он ловко спрыгнул вниз. Покатая галька предательски заскрежетала под ногами, и он затаился, как хищник перед прыжком, оценивая обстановку. Но ничего не произошло: ручей по-прежнему пел свою песню, громко та-рахтели гигантские золотые стрекозы, а Полуденный Месяц

призрачным сиянием освещал все вокруг, создавая ощущение выбеленной картины. Прошарив глазами каждый метр вдоль по течению ручья, Гарв развернулся вправо и зашагал к повороту. Выбирая самые плоские камни, стараясь избежать лишнего шума, он добрался до излучины, присел на корточки и осторожно заглянул за поворот. Там было все то же: вода, камни и обрывистые откосы. Разочарованный, он ступил дальше и вдруг краем глаза заметил, как что-то блеснуло между камнями. Нагнувшись, Гарв подобрал с земли женский браслет. Вытянутая, словно змея, кошачья фигурка затейливо обвивалась вокруг тонкой стрелы, острие которой искрилось в свете месяца алой рубиновой каплей. Искусно выкованный браслет был совсем легкий, хотя Гарв, далекий от ювелирных дел, мог с ходу определить, что он золотой. «Должно быть ивашки», – решил он, досадуя, что не успел добраться до беглянки первым. Прибрежная ни за что бы не оставила такой браслет у ручья добровольно. Он опустился на колени и принялся обыскивать все вокруг, переворачивая камни и с грохотом разбрасывая гальку, уже не опасаясь шума. Пять минут поисков, и под очередным отброшенным в сторону каменным блином обнаружили темно-красные капли и лоскут черного атласа, неряшливо оборванный по краям. Все было еще хуже, чем он предполагал. Это был Чернокнижник.

Глава 8. Логово

Продавшие душу Первой Ведьме в обмен на чародейские способности, чернокнижники считались самыми могущественными из Первых Колдунов. Наиболее темные из них обладали такой силой, что могли помутить разум недруга или лишить его слуха и зрения на расстоянии. Другие слыли мастерами колдовских зелий. Используя высушенные истолчённые внутренности животных, ядовитые растения и мерзкую слизь болотных жаб, они варили сотни зелий, которые потом обменивали на ярмарках на золото и слуг. Презируя крестьянский люд, эти чародеи знали лишь с богачами, выступая желанными гостями на званых пирах в покоях повелителей и поставляя юных красавиц охочим до девичьих прелестей владыкам.

Должно быть, узнав от ворона о неудаче, постигшей отряд ивашек, Чернокнижник решил сам довести начатое до конца. Если дело обстояло именно так, искать Прибрежную следовало в ближайшей деревне. Не желая делить с простонародьем кров и даже воздух, чернокнижники селились особняком на краю села, жители которого днем по очереди прислуживали им, а ночью расходились по своим домам. Конечно, связываться с таким колдуном было опасно – разгневанный чародей мог наложить заклинание похлеще ведьмино-го проклятья. Но неотступный образ рыжих танцующих куд-

рей уже отказывался покидать воображение Гарва, и он уповал на то, что и богиня Вечного Месяца будет к нему благосклонна.

День уже клонился к закату, когда на горизонте показалось нечто, напоминающее человеческое поселение. Теперь следовало быть осторожнее, и Гарв пополз, опираясь на локти и стремясь укрыться среди высокой травы. Это сильно замедляло его продвижение, и когда он подобрался вплотную к деревне, небо уже осветила Полная Луна. Для него она была последней надеждой – на следующую ночь истекали последние отпущенные ему проклятием сутки. Затаившись в зарослях, Гарв стал внимательно оглядывать крайние дома, желая вычислить логово колдуна. Типичные крестьянские избы с чуть покосившейся крышей, кое-где наспех залатанной пучками соломы, чередовались с хлипкими амбарами, огороженными свежескошенной, но криво сколоченной изгородью. Где-то неподалеку в хлеву мычала корова, с другой стороны села слышалось ржание лошадей, которых вывели в ночное, да черная бесхозная кошка, крадучись, выслеживала заплутавшую на улице курицу.

«Она-то и приведет меня к нужному дому», – подумал Гарв, памятуя о том, что черные коты всегда считались верными спутниками ведьм и чародеев. Нашарив под рукой небольшой камень, чуть прищутив глаз, он метнул снаряд в пушистого зверя. Подскочив от неожиданности, кот яростно зашипел и дернул в сторону неприметной избы, наполовину

скрытой за невысоким частоколом, увитым цепкими побегами зеленого плюща.

Прежде чем отправиться на поиски Прибрежной, Гарв решил дождаться, пока окончательно стемнеет. Коротая время, он наматывал на палец веревку, мысленно перебирая всех богинь Пяти Месяцев: Рассветного, Полуденного, Вечернего, Верховного и Полуночного. Перед глазами вновь всплыла хрупкая женская шея и пронзительные серые глаза с янтарными крапинками. Если у них будет сын, унаследует ли он рыжие пряди матери? На секунду Гарв представил себе, как вечером возвращается домой с охоты, отперев калитку, входит во двор, а навстречу ему стремглав несется боногий мальчуган. Подхватив малыша на руки, он заходит в дом, где вполоборота к свету свечи стоит она. Интересно, каково будет, зарывшись носом в мягкие локоны, вдохнуть запах ее волос и, крепко прижав ее к себе, почувствовать, как в ее груди гулко грохочет сердце.

Гарв стряхнул с себя наваждение: «Брось ты это, просто исполни клятву, данную отцу. Как говорил мой дед, пустыми надеждами только курица смотрит в небо».

Дождавшись, пока деревенских сморит сон, и свет во всех избах погаснет, Гарв бесшумно прокрался к избе и на цыпочках обошел вокруг. Ставни в доме были закрыты наглухо, не оставляя ему возможности заглянуть в окно. Однако за домом обнаружился низенький пристрой вроде сеней, куда вела отдельная дверь. Решив начать с нее, Гарв тихонько

просунул лезвие ножа между косяком и дверью и осторожно подцепил крючок. Затаив дыхание, он вытащил его из петли и скользнул внутрь. Его окружила крошечная тьма. Подождав пару минут, чтобы глаза привыкли к темноте, но не наблюдая значительных улучшений, Гарв решил, что задерживаться ему нельзя, и стал продвигаться наощупь вглубь дома. Сделав пару пробных шагов, он остановился. Здесь пахло какими-то травами, свежескошенным сеном и слегка отдавало тухлой рыбой. В углу слышалось мерное дыхание спящего человека. Чуть продвинувшись в ту сторону, Гарв вдруг уловил уже знакомый ему аромат свежих листьев после дождя. Подумав, что связанная девушка могла быть брошена в угол на солому, Гарв подкрался еще поближе и протянул руку над полом, стремясь нащупать край ее платья. Его пальцы натолкнулись на гладкую холодную поверхность, невидимый предмет зашатался и упал, в темноте послышался звук разбитого стекла, и комната мгновенно осветилась неземным синим пламенем. Вместо Прибрежной, Гарв увидел прямо перед собой распухшую пропитую рожу, которая спросонья моргала и слепо таранилась на него, изо всех сил стараясь понять, кто ее потревожил. Покрытый какой-то рогожей, мужик лежал на охапке сена, а по его ногам разливалась маслянистая жидкость. Именно от нее и исходило странное голубоватое свечение. Здесь же валялись осколки разбитой склянки. Не давая тому опомниться, Гарв крутанул нож и приставил к горлу выпивохи, но тот вдруг заорал как

блаженный, подскочил, лицо его сморщилось, стянув глаза к кончику носа, а тело, наоборот, стало разбухать на глазах, и, взвизгнув фальцетом, тот превратился в громадного щетинистого борова. Хрюкнув от испуга, хряк заметался по комнате, пытаясь совладать с новой сущностью и круша все без разбору на своем пути. Опрокинулась стоящая в углу корзина, оказавшаяся полной до краев толстых склизких жаб, разбиваясь, на пол полетели банки с жирными болотными слизнями, стеклянные чашки с песком, в котором копошились какие-то мерзкого вида змеевидные отростки, следом грохнулся огромный чугунный котел, из которого под ноги хлынула обжигающая горчичного цвета жижа. Вступая в реакцию с голубоватой жидкостью, она начала превращаться в ядовитый пар, который желтыми клубами стелился по полу. Из дальней двери выскочил кот, и, увидав разлитое на полу месиво, попытался одним прыжком вскочить на стол, но нарезавший круги ополоумевший от страха боров с треском снес хлипкие деревянные ножки, и кот полетел прямоком в котел. Извалявшись в жиже, он делал тщетные усилия, чтобы выбраться, но тут клубы пара скрыли его от Гарва, а тень, отбрасываемая котом на стену, стала внезапно быстро увеличиваться в размерах. Раздался громкий хлопок, и кот разделился надвое. Второе животное с оглушающим шлепком тоже упало в остатки жижи, и вновь в голубом свете Гарв увидел, как неестественно растянута черная шкура изрыгнула двух котов-близнецов. Теперь темно-желтая жидкость

заливала уже все вокруг. Вконец обезумевший боров метался от окна к двери, коты, постоянно попадающие лапами в горчичное месиво, сыпались на Гарва уже со всех сторон, а край колдовской жижи подбирался вплотную к его ногам, и Гарв, пригнувшись, прыгнул на чудом уцелевшую скамью. С еще одним хлопком очередной кот взвился в воздух и с диким воем приземлился на противоположный конец скамьи. Перед собой Гарв увидел расширенные от ужаса глаза бешеного бора, мчавшегося навстречу, и, вложив все силы в гигантский прыжок, перелетел через щетинистую спину и приземлился на пороге дальней комнаты, сбив с ног встревоженного шумом Чернокнижника, показавшегося из полукруглой двери. От неожиданности тот выронил свой посох и, сцепившись клубком, они покатались по полу. Впившись пальцами в сухие жилистые руки колдуна, Гарв понял, что не успевает выхватить меч, и, всем весом навалившись на худощавую фигуру, подмял его под себя. Вскинув голову, он увидел девушку, которая лежала на столе, перевязанная поперек какими-то веревками. Слыша под собой хрип, Гарв ударом кулака оглушил Чернокнижника. Для верности съездив ему по уху и не теряя времени на то, чтобы оглядеться, Гарв метнулся к столу, сжимая нож и готовясь одним ударом рассечь связывавшие ее веревки, но они вдруг задвигались и зашипели, обернувшись клубком змей. Голыми руками схватив холодных гадов за горло, Гарв резко дернул их на себя, опрокинув стол вместе с прикованной к нему девушкой.

кой. Подхватив упавший нож, он принялся кромсать скользкие змеиные тела. Изрубив их на мелкие куски, он, наконец, освободил девушку. Рывком подняв ее на ноги, краем глаза Гарв заметил, как Чернокнижник привстал на одно колено и, перекрывая шум, доносившийся из сеней, рыкнул какое-то чародейское заклинание, призывая закатившийся куда-то посох. Точно поймав прилетевшую прямо в руки палку, он наставил ее на Гарва. Нацелив нож прямо перед собой, тот решил действовать на опережение и кинулся на врага, но вдруг какая-то неосязаемая сила отбросила его навзничь и, пригвоздив руки и ноги, распяла на досках. Чернокнижник подходил ближе, сверля своими черными мёртвыми глазами и все быстрее бормоча какие-то заклинания. Гарв почувствовал, как его голову словно сжали тисками, череп сдавило так, что кровь проступила на висках. В глаза темнело, и, чуть не потеряв сознание от невыносимой боли, Гарв успел заметить, как из противоположного конца комнаты сквозь распахнутую дверь в комнату хлынули коты. От усов до хвоста перемазанные горчицей жижей, они ни на секунду не останавливали удвоение и, сопровождаемые громким треском, продолжали прибывать, заполняя все больше и больше пространства. Чернокнижник, казалось, не заметил этого, пристально глядя на Гарва и неумолимо затягивая невидимые тиски на его голове, как вдруг боров, ворвавшийся в комнату, выбил посох из рук колдуна и чуть не повалил его с ног. Боль мгновенно ушла, и Гарв, почти не целясь, из последних

сил метнул острие ножа в грудь Черно книжника, схватил девушку за плечо и потащил прочь из комнаты. Под ногами плыл какой-то меховой бульон, слышался хруст раздавленных хвостов, Гарв ощущал царапающие когти, острые зубы, впившиеся ему в лодыжку, но, не замечая ничего, он рвался к двери. Распиная в стороны десятки вновь и вновь появляющихся котов, он протасил Прибрежную сквозь месиво из тел и, буквально протаранив дверь, выскочил на улицу, сопровождаемый отчаянным хрюканьем позади и сбоку, по-видимому, означавшим, что боров тоже угодил в жижу и начал размножаться. Бесконечное переплетение звериных тел потоком выливалось наружу, изрыгнув из середины Гарва и девушку, и, перелетев через частокол, они со всех ног скрылись в темноте.

Глава 9. Клятва

Полная Луна таилась за темным облаком, но выбирать не приходилось. Не разбирая дороги, Гарв тащил за собой Прибрежную, унося ноги прочь от чародейской деревни. Оголтелое похрюкивание и кошачьи визги, дышащие беглецам в спину, постепенно ослабли и затихли вдали. Не останавливаясь, двое мчались вперед по бесконечной травяной равнине.

К утру девушка сдалась первой. Не в силах больше идти, она зашаталась и, запнувшись об острый камень, упала вперед, чуть не повалив самого Гарва. Тяжело дыша от быстрого бега, но не выпуская ее ладони из рук, он остановился и перевел дух. Подгоняемые страхом погони и животным ужасом от черного колдовства, которому они стали свидетелями, за ночь они пересекли добрую часть Бесконечного Луга и вплотную приблизились к той его части, где травяной ковер плавно переходил в невысокий кустарниковый подлесок, смешиваясь с низкорослыми карликовыми осинами и кустами шиповника. За этим подлеском через пару часов хода начиналась Дубрава, которая другой своей стороной упиралась в деревню, откуда родом и был Гарв. Здесь он мог чувствовать себя в относительной безопасности, хотя какое-то неуловимое напряжение в воздухе подсказывало ему, что расслабляться еще рано.

Девушка уже пришла в себя и, вывернув босую ногу сто-

пой вверх, вытаскивала мелкие колючки, впившиеся в нежную кожу во время бегства. Она так забавно морщила при этом нос и поджимала губы, что Гарв, не удержавшись, усмехнулся, и она, услышав это, подняла на него глаза. Глядя на Гарва снизу вверх, Прибрежная не произносила ни слова, просто молча изучала его лицо. Внезапно почувствовав себя неловко, он отвернулся вполоборота и грубовато спросил:

– Что с тобой было у Чернокнижника?

– Я не помню, – растерянно сказала она. – Колдун напал на меня ночью у ручья, едва я выбралась из топи. Он подкрался, когда я склонилась к воде, и набросил мне на голову свой плащ, пропитанный таким едким запахом, что я чуть не задохнулась в нем. Проклятый чародей опутал мне руки этими склизкими змеями, а потом потащил меня через поле. Мы долго шли, а потом он втолкнул меня в дом и бросил на пол. Помню, как он размотал плащ, но едва я открыла рот, чтобы глотнуть воздуха, колдун влил мне в горло какую-то сладковатую жидкость. Она разлилась по венам, словно огонь, и мне стало так хорошо, а потом в голове все завертелось, и я потеряла сознание.

– Неужели ты ничего не помнишь? Ты ведь провела у него целый день!

– Я смутно помню какие-то колдовские мантры, и ощущение тяжести на теле. Мне было тепло, а потом я услышала резкий визг и очнулась, уже связанная на столе.

Все еще не понимая, для чего она понадобилась Черно-

книжнику, и что именно произошло с девушкой, Гарв нахмурился:

– Зачем же он охотился за тобой?

– Не знаю. Но он сорвал мой браслет – тот, что дает Прибрежным силы исцелять дарами природы.

Всё это было подозрительно. Будучи уверен в том, что чародей охотился за девушкой, чтобы продать ее задорого, Гарв не предполагал иного варианта. Что если Прибрежная была нужна колдуну, чтобы провести какой-то черный ритуал? Это намного усложняло дело. Переходить дорогу такому могущественному Чернокнижнику было опасно. Во что бы то ни стало им следовало как можно скорее уходить в лес.

Пытаясь нащупать в кармане веревку, Гарв заметил, что девушка поднялась на ноги и, замерев на месте, напряженно смотрит на него.

– И не пытайся сбежать от меня еще раз, – насупившись, сурово предупредил он, зацепив, наконец, конец бечевки и делая шаг навстречу девушке.

– Куда ты меня ведешь? – шарахнулась она.

– Не переживай, я не собираюсь продавать тебя на ярмарке.

– Куда ты меня ведёшь? – словно не слыша, повторила она свой вопрос, не сводя глаз с его лица.

– Мы пойдем в мою деревню. Придется прошагать всю Дубраву, путь неблизкий, но тут хотя бы есть нормальные тропы.

– Мне нужно вернуться к ручью, – настойчиво приказала она.

– Это еще зачем?

– Я должна отыскать свой браслет. Он там, я знаю. Я слышала, как он звякнул о камни, когда колдун подкрался ко мне сзади и схватил меня за руки.

– Купишь себе новый.

– Ты не понимаешь! Это наследный браслет Прибрежных, дар богинь Семи Месяцев! Он таит в себе целительную силу.

– Мы не пойдем назад.

– Но без этого браслета наш дар целительства погибнет и тогда мой род утратит свое предназначение!

– Пусть даже и так. Мы все равно не станем возвращаться.

– Мне обязательно нужно вернуть свой браслет! Наш род просто не выживет без него!

– Мы не пойдем через Бесконечный Луг!

– Ты не осознаешь, как это важно!

– Ну, давай, расскажи мне о его силе.

– Этот браслет почитался родом Прибрежных с незапамятных времен. Вместе со знахарским даром он передавался из поколения в поколение. Моя прабабка обладала силой исцеления, она была хранительницей браслета и передала его моей бабушке, а та – моей маме. Мама рассказывала мне, что, по словам прабабки, золотая стрела была отлита на Заре Времен Первыми Колдунами и закалена слезами Первой Ведьмы. На кончике стрелы есть маленький рубин – он хра-

нит в себе каплю крови создателя браслета, одного из первых чародеев. С его помощью в стародавние времена они создали ивашек, которые выслеживали ведьм и уничтожали их. Но слезы Первой Ведьмы окропили золотого кота и сняли с колдовской стрелы злые чары. Теперь она таит в себе только целительное заклятие. Ни одно зелье, мазь или отвар Прибрежных не подействует, если не закалить в нем эту стрелу. Такова сила чар, оплаканных Первой Ведьмой. Я не могу потерять его, иначе мой род навсегда утратит способности к врачеванию и канет в небытие. Ни одна девочка не родится Прибрежной, если не рассечь ей пуповину концом этой стрелы. Пожалуйста, вернемся к ручью, – попросила она.

– Исключено. Что если Чернокнижник рыщет по нашему следу? Его зверья хватит, чтобы прочесать весь лес насквозь. Что тогда?

– Я не уйду без браслета.

– А я не стану возвращаться.

– Ну, пожалуйста, помоги мне! – взмолилась Прибрежная.

Видя, что девушка в отчаянии, Гарв вдруг подумал, что сможет легко обыграть ее, и сделал вид, что согласен на уступку.

– Что ж, будь по-твоему. Мы вернемся к ручью и отыщем браслет. При одном условии.

– Что за условие?

– Ты добровольно пойдёшь со мной в деревню, где мой отец обвенчает нас.

Увидев, что готовая возмутиться девушка уже открыла рот, чтобы гневно возразить, Гарв спешно протараторил:

– И ты дашь мне клятву на крови, что не обманешь и не попытаешься сбежать.

Прибрежная хотела что-то сказать, но, задохнувшись от возмущения, просто захлопнула рот и не удостоила его ответом. Видя, что девушка молчит, Гарв отвернулся и бросил через плечо:

– Если тебе и в самом деле так дорог этот браслет, конечно. Если нет, то, – тут он пожал плечами и начал разматывать веревку.

– Но я не могу! Я не хочу венчаться с тобой! – в отчаянии воскликнула девушка.

– Ну, как знаешь.

Не слушая больше никаких возражений, одним движением он поймал девушку за запястье и ловко начал обматывать их тугими кольцами бечевки.

– Подожди, я дам тебе золото, много золота! – торопясь, затараторила она.

– Меня не интересует золото.

– Я могу показать тебе, где спрятаны тайные сокровища Первой Ведьмы! Я знаю дорогу!

– И сокровища мне не нужны.

– Тогда я раскрою тебе секреты целительных зелий!

– Мне нет дела до твоих колдовских штучек. Мне нужна жена.

– Да подожди ты!

Виток за витком, не останавливаясь, Гарв продолжал наматывать прочную верёвку.

– Чего ты хочешь? Я могу исполнить любое твоё желание!

– Хочу получить наследника, – чуть не вырвалось у Гарва, но он сдержал откровенный порыв, и закусив язык, предпочел продолжать своё дело.

Затянув узел, он повернулся к ней спиной и сделал пару шагов в сторону подлеска. Веревка натянулась, но девушка не шелохнулась, не желая сдвинуться с места. Тогда, дернув рывком, он с силой потащил её за собой.

– Я не пойду с тобой! – послышались её возражения.

Не слушая отчаянных воплей, Гарв начал продираться дальше сквозь чахлый кустарник, упрямо волоча за собой девушку.

– Подожди. Стой! Да остановись ты, наконец! – Прибрежная испустила столь витиеватое непечатное ругательство, произносить которое не пристало даме, что Гарв улыбнулся.

– Ну, хорошо, хорошо! Я пойду в твою деревню!

Гарв обернулся и, приблизившись к девушке, пристально посмотрел ей в глаза:

– Сама и без обмана?

– Да, без обмана.

– И ты не попытаешься сбежать?

– Нет.

– И не станешь замышлять убить меня?

– Не стану.

– И добровольно пойдешь со мной под венец?

– Я не...

– МОЛЧА и добровольно пойдешь со мной под венец?

Загнанная в ловушку, она опустила глаза и прошептала:

– Пойду.

– Другое дело. Теперь поклянись на крови!

Гарв вытащил свой меч и заостренным кончиком стального лезвия вспорол загорелую кожу на своей ладони. Из царапины пролилась струйка крови, но, не обращая внимания, он протянул руку ладонью вверх навстречу девушке. Она колебалась.

Гарв молча развернулся и продолжил свой путь.

– Ладно, ладно, да, я поклянусь!

Она протянула ему свою руку и, едва коснувшись острием меча мягкой девичьей кожи, он рассёк ей ладонь.

Глядя прямо в дымчатые глаза, то ли от волнения, то ли от гнева, вспыхивавшие янтарными искрами, Гавр вновь вытянул руку и твердо отчеканил:

– Ты клянешься пойти со мной в мой дом, чтобы, обвенчавшись без коварства и обмана перед лицом богинь Пяти Месяцев, стать моей хозяйкой.

С секундной запинкой, она тихо ответила:

– Клянусь.

Накрыв своей ладонью ее руку, он почувствовал прикосновение нежной кожи и вздрогнул, будто обжегся:

– Что ж, я принимаю твою клятву.

– Пожалуйста, прошу тебя, поторопимся! Если браслет найдет кто-то еще, я навсегда утрачу его силу!

– Не стоит так спешить, вот, держи!

С этими словами Гарв сунул руку в карман и, вытащив оттуда тот самый браслет, с ухмылкой протянул девушке.

Глава 10. Пронзенный

Гарв чувствовал себя великолепно. Чуть ныла скула, куда пришелся внезапный хлесткий удар, да побаливала щека, располосованная свежими царапинами. Кто бы мог подумать, что Прибрежная окажется не такой уж и тихоней. Наслушавшись баек о мирном характере Прибрежного племени, он ожидал слез, мольбы, истерики, воплей и, возможно, даже проклятий, но реакция девушки выбила его из колеи. Ошеломленная, она на пару мгновений застыла, уставившись на сверкавшую золотом чудом возвращенную ей стрелу, словно не веря своим глазам. Гарв едва успел отметить про себя, что ловко обвел ее вокруг пальца, как в следующую секунду она, взвившись будто дикая кошка, уже налетела на него и принялась молотить кулаками по лицу. Сбитый с толку, Гарв даже не сразу сообразил, что надо отбиться. Лишь когда он почувствовал, как острые когти раздирают ему щеку, то отбросил ее в ближайший куст и встал в стойку, приготовившись отражать очередную атаку. Однако природное неприятие насилия, с рождения впитанное в кровь Прибрежной, уже взяло свое, и девушку тут же вывернуло наизнанку. Отплевываясь, она только поднялась на ноги, как новый приступ опять заставил ее согнуться напополам.

Больше она не пыталась наброситься на Гарва, ограничив-

шись лишь злобными взглядами в его сторону.

Твердо усвоив от отца, что разъярённую женщину лучше на время оставить в покое, Гарв кивнул в сторону подлеска: – Нам туда, – бросил он и зашагал вперед.

Он не испытывал особых угрызений совести, и должен был признать, что удача была на его стороне, и все складывалось как нельзя лучше. Теперь она никуда от него не денется.

Через десяток шагов Гарв украдкой обернулся вполоборота и удовлетворенно улыбнулся. Навеки связанная клятвой на крови, которая вынуждала произнесшего её соблюдать принятое условие даже против воли, Прибрежная следовала за ним.

За полдня они преодолели подлесок и, дошагав до края настоящего леса, наконец вступили под сень раскидистых дубов. Отсюда Дубрава простиралась на многие километры, и перед дальней дорогой им следовало сделать привал. Продвинувшись вглубь леса чуть дальше по тропе, Гарв почувствовал, как со стороны повеяло свежестью водного потока, и, свернув левее, вышел на укромную полянку под старым ветвистым дубом. Здесь из-под земли бил родник, его журчащие струи весело искрились в свете Полуденного Месяца, разбрызгивая над собой подобие облака из тысяч водяных капель.

– Здесь переждем до ночи, – грубовато заявил Гарв и исподлобья глянул на девушку.

Прибрежная уже не злилась. Надев на тонкую руку уте-

рянный браслет, она заметно приободрилась и даже с любопытством первопроходца оглядывала незнакомую местность вокруг. А посмотреть было на что. Не чета Древней Чаще, этот лес кишел живностью. По мшистому покрывалу, раскинутому на влажных камнях, окаймлявших бивший из-под земли источник, туда-сюда сновали крошечные изумрудные ящерицы. Невдалеке синими бусинами спелых ягод развернулся куст голубики, и, привлеченная сочной добычей, его с громким щебетанием атаковала стайка пестрых птиц. Прямо у родника на травянистой кочке цвели бледно-розовые бутоны лесной розы, над ними порхали радужные бабочки, а над головами слышался деловитый стук дятла.

– Как твое имя?

Застигнутый врасплох, Гарв оторвался от созерцания окрестных красот и вернулся в реальность.

– Гарв. А твое?

Не отвечая, но, по-видимому, сменив гнев на милость, девушка присела на траву по ту сторону манившего прохладой ключа.

– Верховным Месяцем мне предначертано стать хранительницей браслета. Он последний оставшийся в нашем роду. Спасибо, что вернул его, Гарв. Хотя ты мог бы и сразу сказать мне, что он у тебя в штанах.

Не найдя что ответить, Гарв буркнул:

– Пожалуйста.

– Я никогда не была в этой стороне. Здесь так много зе-

лени, и дышится так свободно. Мы пьем силу природы, но там, в ущелье...

Ее слова прервал громкий треск неподалеку, и, проломив нижние сучья, на дальний край поляны выскочил измазанный в грязи кабан. Хрюкнув, он направился к подножию дуба.

– Должно быть, желуди ищет, – мелькнуло в голове у Гарва.

Но что-то неуловимое в облике кабана не давала ему покоя, какой-то недружелюбный тревожный флер, который никак не вписывался во всеобщую идиллию гармонии природы и буйства красок. Кабан приближался, и Гарв, внимательно всмотревшись в его черты, вдруг с криком подскочил на ноги. Мерзкое свиное рыло было облеплено какими-то комками, похожими на грязь, которые под пристальным взглядом Гарва к его ужасу вдруг обернулись клочками разодранной плоти. Весь он был в ошметках шерсти, маленькие налитые кровью глаза горели неутолимой жадной кровавой схватки, две волосатые пещеры широких свиных ноздрей с шумом раздувались, словно кузнечные меха, а острые клыки грозили разорвать добычу на куски.

Однако боров не торопился нападать. Остановившись в паре шагов от путников, он замер на месте и с остервенением рыл копытом землю, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу.

– Бежим, – выдохнула Прибрежная, огибая родник и ста-

раясь не делать резких движений, повинуюсь жесту Гарва, который указывал ей укрыться от смертоносных клыков у него за спиной.

– Нельзя, он нагонит нас в два счета и пырнет в спину, – так же шепотом ответил он ей.

Негромкий шорох, раздавшийся сверху, заставил Гарва задрать голову, и в густой листве он различил непонятно откуда взявшегося черного кота, который крадучись продвигался вперед, перебирая лапами по толстой дубовой ветке и подбираясь все ближе к Прибрежной.

– Берегись! – крикнул Гарв. Кот раскрыл пасть и взвыл противным голосом, и в ту же секунду боров, словно получив сигнал, бросился на них. Не успев отклониться от массивного кабана, ринувшегося в слепую атаку, Гарв попытался сдержать удар, но вдруг почувствовал в бедре сильную боль и с размаху опустил меч, располосовав тому спину. Боров взвизгнул и, со всей силы врезавшись в Гарва, повалил его на землю. Кровь брызнула Гарву прямо в глаза, но он успел, шатаясь, подняться на ноги и обернуться как раз в тот момент, когда развернувшийся боров вновь кинулся в бой. В этот раз Гарв слишком рано резанул мечом, и лезвие зацекнуло по кости, не в силах перерубить торчащий клык. Боров всем весом навалился на Гарва, и тот, упав, откатился влево. Противная свинья все не унималась и, прижав копытом левую руку Гарва к земле, нацелилась клыком ему в горло. Свободной рукой Гарв виртуозно описал в воздухе дугу

и сумел опустить меч по касательной на голову кровожадной твари. Хрястнуло отсечённое ухо, и фонтаном брызнула кровь, заливая липкой жижей бок бешеной зверюги. Пользуясь секундным замешательством борова, Гарв вывернулся, оперся о колено и вонзил меч по самую рукоять в мягкий живот. Боров, казалось, почувствовал не больше комариного укуса, он всей грузной тушей осел на меч, не дав Гарву возможности вытащить стальное лезвие. Едва успев отдернуть руку, Гарв попробовал откатиться еще дальше, но проклятое копыто так сильно впечатало в землю его запястье, что он мог лишь вертеться, словно муха, пригвожденная к паутине. Чуя зловонное дыхание у своего лица, Гарв поднял глаза и увидел два ряда страшных стесанных зубов с рваными краями, готовыми вгрызаться в добычу и рвать из нее клоки. Он выгнулся и упал навзничь, клык борова пронёсся буквально в сантиметре от его глаз, но Гарв тут же почувствовал, как острое холодное копыто безжалостно придавило ему ребра. Пытаясь скинуть с себя громоздкую тушу, он извивался ужом. Но боров, уже почувшавший, что жертва в западне, напирал копытами на грудь все сильнее. Гарву не хватало воздуха, он сгладывал и широко раскрывал рот, пытаясь вдохнуть, но вместо спасительного кислорода хлебнул лишь тошнотворный смрад изо рта твари. Что-то хрястнуло у Гарва в груди, и, уже теряя сознание, он увидел, как, взревев, боров опустил голову, целясь Гарву прямо в кадык, да так и остановился на полпути. Замерев, будто застывший, он не

произносил ни звука. Собравшись с духом, Гарв из последних сил спихнул с себя мерзкое туловище и, не останавливаясь, принялся рубить толстую шею. Вогнав меч до упора, он надавил, навалившись всем весом, и почувствовал, как под его тяжестью голова хряка отлетела и, гулко шлепнувшись о камни, покатила по траве к подножию дуба. Гарв упал, краем глаза успев заметить девушку, скорчившуюся на коленях у родника, которую неистово рвало, и зловещего черного кота, опрокинутого на спину, из груди которого торчала поблескивающая в свете Полуденного Месяца золотая стрела с ее браслета.

Глава 11. Дубрава

В пылу сражения Гарв не сразу почувствовал, как что-то теплое заструилось по его бедру. Машинально опустив туда руку, он вляпался в неприятную сочившуюся жидкость. «Наверное, боров зацепил клыком», – подумал Гарв и глянул вниз. Из глубокой царапины по ноге бежала вереница алых капель. Еще чуть глубже, и кабан распотрошил бы его живьем. Каждый вдох давался с трудом, раздавленная грудь натужно болела, и от нехватки воздуха на Гарва напал надсадный кашель. Что ж, борову повезло меньше.

Огромная туша распласталась на траве, конечности еще конвульсивно подергивались в предсмертной агонии. Зачерпнув ладонью воды из источника, чтобы ополоснуть свой заляпанный меч, Гарв отпрянул. Хлеставшая из начисто отрубленной головы кровь залила всю поляну, и даже прозрачное озерцо чистой ключевой воды превратилось в мутный багровый бульон.

Прибрежная прекратила хрипеть, содрогаясь от спазмов, и теперь сидела, сжавшись в комок и обхватив руками колени, будто пытаясь слиться с окружающей травой. Кот был мертв. Для надежности потыкав его острием меча, Гарв рывком выдернул застрявшую в сердце золотую стрелу и протянул девушке. Но тут же отвел руку обратно и тщательно обер витиеватое золото о край штанины. Гладкая поверхность

вновь заблестела на свету, и крошечный рубин заиграл искрами, озарившими все грани изнутри.

– Вот, держи, – он протянул ей стрелу.

Она вышла из транса, подняла на него глаза и открыла рот, пытаясь что-то сказать, но, прежде чем она сумела произнести хоть слово, новый приступ тошноты сотряс ее. Деликатно отвернувшись, Гарв дождался, пока она затихнет, и, наклонившись, бережно надел браслет на ее руку. Приобняв девушку за плечи, он помог ей подняться и, коротко бросив: «Идем», – повел прочь от проклятого побоища.

Подобные приступы нападали на нее до самых сумерек, повторяясь все реже и реже, выматывая из сил. Пережидая пока Прибрежная в очередной раз вывернется наизнанку, Гарв пытался уложить в голове неожиданную атаку.

Вероятно, сбитый им с ног в таинственной избе Черно книжник был лишь телесным воплощением колдовской сущности. Настоящее древнее зло таилось в зверином обликии. Приняв вид холеного черного кота, чародей столетиями вершил свои черные ритуалы, по мере надобности переходя и в людское тело. Вселяясь в разум других существ, он мог управлять ими, чем и объяснялось поведение свирепого бобра, который, лишившись хозяина, впал в ступор и больше не мог противостоять кусачей стали.

Вопрос был лишь в том, куда подевались все остальные десятки котов, раздвоенных неведомой горчичной жижей. Обернулся ли каждый из них отдельным Черно книжником,

или со смертью главного кота они все тоже погибли? То, что кот привел с собой по следу только одного боевого бора, вселяло надежду на спасение.

Продвигаясь все дальше и дальше, они следовали по широкой утоптанной тропе, которая вилась между стволами, нагретыми показавшимся в небе Вечерним Месяцем. В ветвях по-прежнему щебетали птицы, меж корней шныряли быстроногие ящерицы, а где-то поодаль даже отозвалась кукушка. Каждый шаг уносил их прочь от жуткого колдовства. Так они прошли час, другой, третий.

Вокруг быстро смеркалось, и следовало задуматься о ночлеге. Периодически взглядывая на нее, чтобы убедиться, что девушка в порядке и поспевает за ним, но не выпуская ее руки из своей, Гарв внимательно осматривался по сторонам, выискивая удобное местечко. По бокам тропы стройными рядами высились вековые дубы, и в некоторых из них на уровне человеческого роста зияли темные расщелины. Если найти достаточно большое дупло, в таком легко могло уместиться два человека, а значит, можно было переночевать в относительной безопасности.

Подходящее место отыскалось чуть дальше, в глубине чащи, сокрытое за соседними стволами. Удостоверившись, что внутри сухо, и даже есть что-то наподобие мягкой подстилки из сухих листьев, Гарв обернулся к девушке и указал наверх: – Заночуем тут, а утром продолжим путь. Тебе надо хорошенько отдохнуть.

Прибрежная без слов прошла мимо него к дереву, и только он собирался предложить свою помощь, как она, ловко переступая босыми ногами по узловатым выступам на шершавой коре, словно белка взлетела вверх по стволу и забралась внутрь. Убедившись, что девушка устроена как надо, Гарв отлучился в поисках источника воды. Недалеко за кустами он наткнулся на небольшое озерцо, видимо, питавшееся из тех самых подземных ключей, что и журчащий родник на злополучной поляне. Зачерпнув кристально чистую воду в ладони, он напился сам и набрал воду для Прибрежной. А затем, не совладав с искушением, скинул с себя заскорузлые, пропитанные кровью и потом штаны и рубаху и с головой нырнул в пьянящую прохладу.

Позже, одетый и безмерно довольный, он принес воды девушке, но она уже спала, свернувшись калачиком, и, глядя на безмятежное лицо, он не решился ее будить. Остаток вечера Гарв провел, разыскивая съедобные грибы и насаживая их на импровизированные вертела из прутьиков у наспех разведенного костра.

Глава 12. Видение

Проснулся он внезапно. Что-то будто толкнуло его во сне, и, до конца не осознав, где он, Гарв сел. Сквозь ночной туман тускло пробивался свет восходящей Полной Луны. Птицы умолкли, и ни звука не нарушало опустившуюся тишину. Пламя давно догорело, головешки тлели в темноте остатками драгоценного тепла. Должно быть, он уснул у костра. Потянувшись, он встал и, не желая тревожить сон Прибрежной, затаив дыхание, заглянул в дупло. Ее там не было. Лишь примятая подстилка свидетельствовала о том, что девушка провела здесь ночь.

В недоумении Гарв коснулся листьев. Они еще хранили тепло ее тела. Первым его порывом было выхватить меч и кинуться на поиски, но он был уверен, что ее не могли похитить – ведь малейший шум непременно разбудил бы его. Гарв точно знал, что клятва на крови нерушима, а, стало быть, сама она не могла никуда убежать от него. Единственным оставшимся вариантом было то, что в ход опять пошли какие-то чародейские штучки. Гарв нахмурился. Размышляя о том, где же может быть девушка, он сделал пару шагов в сторону недавно найденного озерца, как вдруг замер на месте. Скрытый молочной пеленой тумана, издали на него надвигался призрачный силуэт. Стараясь не шуметь, Гарв стал как можно тише пробираться в сторону видения, намереваясь без-

звучно подкрасться к этому миру.

– Почему ты прячешься? – вдруг прозвучал её мелодичный голос, и непонятно откуда взявшаяся спичка, вспыхнув в ее руках, рассеяла царившую гладь тумана. Прибрежная удивленно повернула голову в его сторону.

– Я думал, ты ушла, – виновато ответил он невпопад, завороченно делая шаг навстречу. – Я просто...

Не дав ему договорить, девушка подошла вплотную, и слова замерли у него в горле.

Теперь она стояла прямо напротив Гарва, лицом к нему, больше не скрываемая туманной дымкой, и в теплом свете почему-то никак не догоравшей спички, он увидел, что вместо обычного летнего платья, скрывавшего всё до самого наглухо застегнутого ворота, на ней осталась лишь нижняя кружевная сорочка. Словно светившаяся изнутри каким-то неестественным голубоватым мерцанием, она тонкими ляжками удерживалась на открытых плечах, ниспадая на грудь полупрозрачным кружевом, едва скрывавшим столь соблазнительную наготу. Намокшая от сбегавших с кудрей капель воды, прилипшая ткань опускалась ниже, облекая манящие подробности, и яркое сияние спички освещало до мельчайших деталей гладкую бархатистую кожу, на которой плясали отсветы пламени. Будто шелк, тончайшее полотно льнуло к её телу, очерчивая женский животик, и под ним изящная вязь кружева вилась вниз, не пряча уже ничего и едва прикрывая вызывающе белевшие в темноте округлости. Сра-

жённий наповал, он опустился на колени.

Делая над собой тщетные усилия, Гарв вдруг осознал, что не может заставить себя отвести глаза, жадно обшаривавшие каждый сантиметр её полускрытого тела. Она знала, что именно притягивало его жаждущий взгляд, но, казалось, это её нисколько не смущало. Наоборот, придвинувшись вплотную, она изогнулась, и чуть всколыхнувшееся кружево на бедре тут же привлекло к себе внимание Гарва. Не в силах сделать движение, он словно оцепенел. Кровь глухо стучала у него в висках, внутри все пылало. Отказываясь верить, что всё это реально, он пытался перебороть непреодолимое желание притянуть её ближе и, пробежавшись кончиками пальцев по нежной коже, коснуться губами её призывно полуоткрытого рта. Словно разгадав его внутреннюю борьбу, Прибрежная протянула руку и мягко коснулась его подбородка.

– У тебя новый шрам.

– Пройдет, – внезапно охрипшим голосом выдавил из себя Гарв.

Она опустила голову и, взглянув ему прямо в глаза, приподняла низ сорочки, запуская его послушную ладонь себе под кружево, а потом, не отрывая от него свой взгляд, внезапно подалась вперед и прильнула губами к ноющему порезу.

Тысячи звезд взорвались в его голове, и Гарву показалось, что бешено колотящееся сердце сейчас изнутри разорвет его грудную клетку. Он инстинктивно сжал руку и, ощутив под

пальцами влажную кожу, почувствовал, как его охватывает дрожь. Не повинуюсь больше сознанию, его руки скользнули выше. Ощущая тыльной стороной приятно холодившую гладь легкой ткани и на мгновение перестав дышать, он повернул лицо чуть левее, следуя горячему шепоту на щеке и стремясь отыскать её губы. Исступленно впиваясь в податливый рот, Гарв потерял всякий контроль, будто внутри него лопнула какая-то туго натянутая струна, и, влекомый необузданной жадой ощущать её каждой своей клеткой, в полнейшей тишине он услышал, как трескаются тончайшие нити кружева, рвущиеся под яростным напором его рук.

Рассвет встретил его щебетанием птиц. Потянувшись в полудрёме, Гарв перекатился на спину и открыл глаза. Что-то будто спутало его ноги, и, наклонившись, он снял со щиколотки намотавшуюся на нее белую тряпку. Она расстелилась перед ним тончайшей кружевной пелериной. Дивные узоры вернули воспоминания о прошедшей ночи и, рывком повернув голову, он увидел ничем не прикрытую спину девушки, раскинувшейся рядом. Не шевелясь, чтобы она не проснулась, Гарв беззвучно разглядывал её, проживая события той ночи в голове снова и снова и чувствуя, как невольно ускоряется ритм его сердца. Лаская взглядом невинную шею, чуть выступающие хрупкие лопатки и стройную талию, он опустил глаза туда, где наброшенная рубашка таила под собой все самое сокровенное. Вдалеке тренькнула особо звон-

кая пичужка, и девушка проснулась. Приподнявшись на локтях, она обернулась и увидела его. Ощущая, как нечто доселе неизведанное приятным теплом разливается по его жилам, Гарв вдруг почувствовал, что тело не повинуется ему больше, и он улыбается ей.

Глава 13. Дары

Гарв вернулся с охоты, когда в небе уже показались первые звезды. Он бесшумно толкнул калитку и ступил в палисадник. Полуночный Месяц лил свой ласковый свет на просторное подворье. В доме горело одно окно, и на занавесках колыхались тени от женской фигуры. Радуюсь наконец оказаться дома, он поспешил к крыльцу и, скинув заплечный мешок прямо у порога, вошёл в избу. Приятное тепло охватило его, как только он переступил порог. Пахло похлебкой и свежим хлебом. Она стояла у стола. Все было совсем как в том видении: повернувшись вполоборота к огню, она, улыбаясь, смотрела на него, и свет зажигал янтарные искры в ее глазах. Шагнув к ней навстречу, он обнял ее и, крепко сжав руки вокруг ее тела, притянул к себе как можно ближе, чтобы почувствовать, как её сердце громко стучит, гулко отзываясь ответным эхом в его собственной груди. Взволнованная долгожданной встречей, она прильнула к нему.

Очнулся он, лишь когда, разжав его объятия, она выскользнула из рук, не желавших отпускать ее на волю.

– Мы ждали тебя к утру. Малыш только и говорил о том, что ты обещал привезти ему настоящее яйцо стрекозы.

– И едва разыскал. Пришлось прошагать до самого Бесконечного Луга.

– Только не отдавай ему, пока не поест, а то побежит по

всем друзьям хвастать.

– А где он?

– С самого утра сидит в сарае, вчера твой отец научил его плести сети.

– Я позову его.

Гарв вышел наружу. Заветное яйцо лежало у него в кармане. Мысленно предвкушая детский восторг от обещанного подарка, он завернул за угол, лениво размышляя о том, что для него тем самым долгожданным подарком стал сын.

После спасения от Чернокнижника, они добрались до деревни благополучно. Остаток пути через Дубраву прошел без приключений, если не считать того, что Прибрежная чуть не убилась, угодив в медвежью ловушку, и он потратил добрых полдня на то, чтобы вытащить ее оттуда. А когда вечером Гарв пошел собирать дрова для костра, то, углубившись в кустарник, спугнул барсука, и тот со страху тяпнул его за палец, который распух и не проходил целую неделю.

Несмотря на то, что приступы стали реже, тошнота у Прибрежной не прекращалась, и к тому времени, когда она смогла без последствий умять свой завтрак, уже был виден маленький животик. Девять месяцев спустя на свет появился его сын. Отец Гарва, впервые выступавший в роли деда, был настолько счастлив, что расцеловал невестку в обе щеки, клятвенно пообещав отрубить поганый язык любому, кто скажет ей хоть бранное слово, и отрезать поганные уши всем тем, кто будет разносить по селу мерзкие сплетни о том, что

она чужого роду-племени. Сказав так, новоиспеченный дед гордо удалился в кабак, откуда не вылезал добрых две недели, споив всех мужиков в округе, от чего встал весь сенокос, и скормив дворовой собаке полмешка отборной оленьей вырезки.

В прошлый праздник Пяти Месяцев малышу исполнилось семь. Шустрый и смышленный не по годам, он схватывал все на лету. Ему нравилось ходить с отцом в лес или возиться с дедом у реки. От матери ему достались серые в крапинку широко распахнутые глаза и страсть к целительству. Он собирал пучки леченых трав, сушил ягоды, толлок неведомые коренья, и, когда Гарв, рассказывая ему о своих похождениях, обмолвился о чудодейственных свойствах яйца золотой стрекозы, тут же стал ходить за ним хвостом и просить принести ему такое яйцо. Путь был неблизкий, но, глядя в эти детские глаза, ярко горевшие жаждой жизни, Гарв никогда не мог отказать.

Дойдя до сарая, он пнул ногой полуоткрытую дверь. На первый взгляд здесь никого не было. Гарв шагнул внутрь и, повернувшись к брошенной в угол охапке сена, вздрогнул. Прямо посреди засыпанного соломой пола, жмурясь в сверкающей полосе Полуночного Месяца, восседал жирный черный кот. Гладкая шерсть лоснилась на упитанных боках, а морда с длинными пестрыми усами выражала крайнюю степень довольства. Увидев Гарва, кот громогласно мяукнул и сделал шаг в его сторону. Отскочив назад и прижавшись спи-

ной к стене, Гарв левой рукой нащупал в сене вилы и, выставив вперед острые зубья, не сводил глаз со зловещей зверюги. Кот сел, будто в недоумении, и раскрыл пасть. Гарв приготовился метнуть в него вилы, но вместо зловещего шипения, в воздухе раздался тонкий голосок:

– Пап, ты чего, это же я!

Не слыша, как звякнули об пол вилы, выпавшие из обесилевшей руки, Гарв неверящими глазами смотрел в до боли знакомые дымчатые глаза сына, вспыхивавшие в серебристом свете месяца янтарными искрами, но теперь почему то обрамленные густым черным мехом, а в его ушах громом отдавалось: «Лишь та принесет тебе дитя, в чьих венах течет кровь Первой Прибрежной», – и звенел раскатистый хохот ведьмы.

Заклятый Грот

Глава 1. Пещера

Холодный пот стекал по его вискам. Непрошенные капли противно скатывались вниз по щеке, попадая прямо в распахнутый ворот рубахи. Лоб покрывала тревожная испарина. Могильный запах сырости обволакивал его удушливым непроницаемым покрывалом. Временами Йомену казалось, что он не может вдохнуть, и он жадным ртом хватал остатки воздуха, но вместо освежающего потока тут же захлебывался в тяжёлом липком тумане, который будто тащил его на дно. Здесь не было ни ветерка, вокруг царила всеобъемлющая тьма, окутанная угрожающим безмолвием, и даже Петро, ошалевший от нахлынувшей жути, страшился издавать какие-то звуки. Освещаемые лишь тусклым оранжевым сиянием дьявольских грибов, они продвигались по извилистым коридорам меж сдавленно нависавших рваных каменных сводов, все глубже погружаясь в зияющее зловещей чернотой бездонное чрево пещеры. Недружелюбные острые наросты на стенах, словно шипы, так и норовили сомкнуться с обеих сторон и проткнуть заплутавшую в темноте плоть.

Ведьма была уже близко. Еще мальчишкой Йомен тайком излазил эти тоннели и твердо знал, что оба прохода скоро

солются, выводя охотников к подземному гроту, где безжизненной чернильной гладью раскинулось Проклятое Озеро. Отец говорил ему, что именно здесь, хрипло каркая во мрак безлюдных коридоров свои злобные заклятья, колдуньи вызывали таившиеся в нём могущественные чары. Ходили слухи, что под ровной поверхностью покоятся сокровища Первой Ведьмы. Но всякий, кто осмеливался погрузиться в непроницаемую черноту и попытаться отыскать их, слышал под водой манящий голос, призывно звучащий из потаённых глубин. Теряя рассудок, не в силах противостоять замутившей разум пелене, он более не различал предостерегающих криков оставшихся на берегу товарищей, погружаясь все дальше и дальше и не оставляя на поверхности ничего, кроме сиротливо расходящейся зыби равнодушного водного зеркала.

Леденящий кровь пронзительный женский визг пронёсся вдруг совсем близко за каменной толщей, и Йомен вздрогнул и остановился. Делаясь всё выше и тоньше, вопль раскатывался под сводами пещеры, усиленный многократным эхом, бил в уши, пробирая насквозь, проникая в мозг, ощущаясь внезапной острой отдачей в кончиках пальцев и выворачивая тело наизнанку.

– Поймали! – внезапно осипшим голосом прошипел под боком Петро, даже не стараясь перекрыть нескончаемый клич. Сорвавшись с места, он кинулся вперёд, проскочив мимо оцепеневшего Йомена, и в одно мгновение исчез во

мраке.

– Стой! – захрипел тот ему вслед, но иссохшийся язык отказывался поворачиваться во рту. Облизав непослушные губы, Йомен сделал шаг вдогонку, но локоть его рубахи зацепился за жало выпирающих отовсюду каменистых пик, и, резко отпрянув, он разодрал руку об острую как бритва шершавую поверхность стены. От ожога вспоротой кожи Йомен выронил склянку с грибами. Жалобно звякнув о выступ, она разлетелась вдребезги, и податливый от тысячелетнего слоя пыли пол пещеры поглотил их мерное свечение. Чертыхнувшись, Йомен замер на месте, пытаясь рассмотреть хоть что-то в кромешной тьме. Чернота ослепляла его, давила на грудь, но, не решаясь двигаться вперёд из-за сотни опасных осколков, словно капканы, поджидающих его босую стопу, он молча стоял, со всех сторон окруженный гулкой пустотой, и, не дыша, вслушивался в парализующую тишину.

Легчайший шорох заставил его повернуть голову туда, откуда они пришли. Стук собственного сердца грохотал в ушах. Не шевелясь, Йомен досчитал до ста, но звук больше не повторялся, и, крепче сжав рукоять меча, он вознамерился продвигаться наощупь вглубь лабиринта, как вдруг на расстоянии вытянутой руки слева от него раздался шелест. «Она!» – пронеслось в голове у Йомена, и, сгруппировавшись, он прыгнул в направлении звука, с размаху налетев на скальную глыбу. Колено хрустнуло, когда он приземлился на россыпь валунов, но покрытая испариной свободная ладонь

накрыла тёплую кожу. Намертво сомкнув пальцы вокруг чужой ноги, он навалился на ведьму и всем телом прижал её к стене. Она дёрнулась и, не произнося ни слова, хищно вонзила зубы в его плечо. Озверев от боли, Йомен покатился по полу, увлекая её за собой. Хлестнув по невидимому во мраке лицу, он отбросил её на камни и, не дав опомниться, сильно выкрутил оба запястья, заставив осесть на пол.

Скорчившись от удара, ведьма стояла перед ним на коленях, и, сграбастав тонкие руки грубыми пальцами, свободной ладонью Йомен выхватил меч, с силой прижал стальное лезвие к горлу и принялся с остервенением напирать, пока она не захрипела. Чуть сдвинув в сторону остриё, он ослабил натиск и в темноте услышал, как она шумно вбирает в себя спасительный кислород.

– Нашёл! – зычно крикнул Йомен вглубь коридора, ожидая подмогу.

Она вдруг изо всех сил рванула к себе захваченные запястья, потянув его вниз, и, подавшись вперёд, он согнулся пополам, чтобы не упасть, когда в его ухо торопливым потоком ударил обжигающий шёпот:

– Сделанное тобой вернётся к тебе. Хочешь знать, каково это, быть изгоем?

Ощущая, как по телу волной поднимается внезапно нахлынувший животный страх, Йомен стиснул зубы и, выпрямившись, еще сильнее сдавил ей руки.

Внезапная вспышка ослепила его, и из-за поворота выва-

лился Петро, размахивая полыхающим факелом, сыплющим огненными искрами. Бросившись к Йомену и на ходу разматывая стреножную верёвку, болтавшуюся на поясе, он заорал: «Сюда! Поймали!» – повалил ведьму на пол и, усевшись на нее сверху, принялся деловито вязать ей щиколотки. Следом за ним показался отец Петро, спешащий на помощь с широким пустым мешком из-под муки, а за его спиной подсакивал от нетерпения Старый Эд, деревенский староста, потирая руки и довольно приговаривая:

– Тащи её, тащи наружу!

Снова и снова прокручивая в голове зловещее предсказание, Йомен очнулся, лишь когда Петро хлопнул его по плечу. Они уже вышли из лабиринта, и, злобно сплевывая на траву, тот с видимым облегчением цедил сквозь зубы:

– Ну, теперь-то она не попортит нам скот!

Старый Эд с отцом ловко подхватили стянутое верёвками отчаянно брыкающееся тело с мешком на голове и потащили его по тропе.

– У тебя плечо разодрано в клочья! – озабоченно уведомил Петро, вопросительно глядя на застывшего у входа Йомена.

– Порядок, – буркнул тот. Потирая вспухшее иссиня-красными бороздами место укуса, он шагнул прочь от гибельного места, как наваждение, отбросив от себя горячий шёпот в ушах, и ухмыльнулся:

– Жить буду!

Глава 2. Ярмарка

Огромный базар бурлил посреди зелёного луга, водоворотом засасывая всякого, кто ступал на мягкий ковёр, пестревший полевыми цветами. Тут и там хлопали на ветру просторные шатры, яркой каруселью флажков и красок зазывая деревенский люд. Меж толп народа шныряли шустрые скорморохи, позвякивая россыпью бубенцов на смешно изогнутых колпаках. Из ряда, где продавали глиняные свистульки, доносились неумолкающие трели рожков, переливы дудочек и залихватский гам губных гармошек. Босоногая детвора стайками толпилась у пряничных лотков, хвалившихся разноцветной глянцевою глазурью.

Распродав за день всю рыбу, выуженную ещё в предрасветный час специально для сегодняшней ярмарки, Йомен сворачивал прилавок, складывая одна в другую громоздкие плетёные корзины из ивовых прутьев. Стоявший чуть поодаль Петро с деловым видом, как и всегда, когда он имел дело с счётом, грязным пальцем отслоняивал засаленные медяки, прикидывая прибыль.

Звонкий взрыв девичьего смеха задорно выкатился из-за угла, и оттуда вынырнула сияющая Маришка, щеголяющая новёхоньким сарафаном, сопровождаемая Анной, в золотистые косы которой витиеватой змейкой вплелись так подходящие к её глазам лазурные атласные ленты, отливающие на

свету мерцающим блеском.

– Ну как, отторговались? – весело осведомилась Маришка, крутясь и так и эдак, чтоб парни могли со всех сторон рассмотреть её обновку.

– Отторговались, – удовлетворённым басом грянул Петро, презревший дальнейший скрупулёзный подсчёт, наспех заталкивая оставшуюся горсть монет в мешок на поясе.

– А что, Петро, пойдём танцевать? – кокетливо щуря глаза, спросила Маришка, отчего-то чаще захлопав ресницами.

– Айда! – взревел тот и, хлопнув себя по ноге, соскочил с места, на ходу крикнув Йомену:

– Да брось ты эти корзины, потом подберём!

Галантно подхватив гарцующую от нетерпенья Маришку под локоток, он скрылся с ней за палаткой, направляясь к центральному столбу, где уже слышались призывные мотивы плясовой.

Йомен поднял взгляд на Анну. Дерзко вскинув голову, она насмешливо улыбнулась ему:

– Даже не думай!

И, развернувшись к нему лицом, словно дразня, нетерпеливым движением отбросила за спину косы и с издёвкой добавила:

– Меня Филипп ждёт! Гляди, какие ленты он мне подарил!

– Да я хоть сейчас готов скупить весь атлас на этой ярмарке и кинуть целую охапку к твоим ногам, – чуть не заорал

Йомен, но, встрепенувшись, словно испуганная охотниками лань, она уже заспешила прочь, и, глядя вслед быстро колышущимся юбкам, Йомен со злости разметал по траве все так заботливо уложенные им корзины.

Глава 3. Меченые

Её лицо стояло у него перед глазами, когда он просыпался утром и когда ложился спать. Других он просто не замечал, и в самых сокровенных мечтах она становилась его желанной наградой.

Реальность оказалась жестокой. Следуя за ней, получая отказы и колкости в ответ, но всё равно отчаянно пытаюсь завоевать хоть чуточку её внимания, он радовался, как ребёнок, когда ловил на себе её будоражащий смеющийся взгляд. Словно он уже превратился в Меченого с той лишь существенной разницей, что ведьмой она всё-таки не была.

Это он знал наверняка. Он видел её в тот день под водопадом, когда, скинув с себя осточертевшие пыльные сорочки, девушки купались. Рассчитывая на то, что деревня уже укладывается ко сну, они вышли к водопаду на самом закате, томимые желанием освежиться после утомительного дневного зноя. Йомен с приятелями возвращались с охоты, пробираясь по заросшей тропе, давно уже заброшенной из-за клубков ядовитых змей, обосновавшихся в камнях по обе стороны дороги. Намаявшись за день на жаре в лесу, друзья как манны небесной жаждали кружечку холодного пенного в трактире у Старика Эда, а заросший путь был короче на добрых полтора часа. Продираясь сквозь нагромождение камней, они слышали внизу визжащие девичьи голоса и, подо-

бравшись к краю обрыва, скрытые стволами деревьев, увидели плавающих.

Стоя под шипящими струями воды, Анна наслаждалась долгожданной прохладой и свободой от гнёта тесной одежды. Придерживая копну золотистых волос, она подняла руки к затылку, и в розоватых лучах Вечернего Месяца Йомену почудилось, что её тело отливает каким-то колдовским сиянием. Пригнувшись над пропастью, он, не дыша, скользил глазами по каждой манящей детали на её фигуре. Бурное обсуждение за спиной вернуло его в реальность, но ту картину он часто видел во сне, просыпаясь по утрам с щемящим чувством тоски и робкой надежды.

Именно тогда он и рассмотрел нетронутую белизну её кожи, но даже знание того, что силы, тянувшие его к Анне, не были порождением чёрной магии, слабо утешало его.

Меченые считались особой кастой. Нет, они не рождались таковыми. Меченым становился любой, кто провёл ночь с ведьмой. Загвоздка заключалась в том, что все эти бабушкины сказки, рисующие ведьм как сгорбленных выживших из ума злобных старух с корявыми узловатыми пальцами и бородавками, бугрившимися на огромном носу, на поверку оказывались не более чем байками. Ведьмой могла быть совершенно любая девушка. Внешне ничем не отличаясь от обычных крестьянок, они чувствовали себя вполне вольготно среди сельского люда. Некоторые из них были красивы, с густыми спадающими до пояса волосами, но даже пухло-

щёкая деревенская хохотушка могла обернуться той, что так хорошо скрывала свою тайну.

Единственной отличительной меткой ведьм служил полумесяц. Раскинутый на бедре пятью родимыми пятнышками, внешне напоминавшими рой вьющихся мошек на белоснежной коже, он умело маскировался нижней юбкой, и горящий страстью любовник не всегда замечал зловещее клеймо. Наутро было уже поздно. Опоенный чарами испитого безумства, бедняга был обречен на вечное служение ведьме. Это не было похоже на обычный приворот, здесь не требовалось сыпать в суп горький порошок из толчёных кореньев или прятать под подушкой соломенную фигурку. Юноша не чах на глазах и не ходил как потерянный под её окнами. Расставшись с колдуньей, он мог даже не вспоминать о ней, выбросив проклятую ночь из головы как страшный сон, но рано или поздно расплата настигала его. В любой момент ведьма могла призвать к себе верного слугу, и, словно цепной пёс, он срывался с насиженного места и мчался к ней. От этого не было никакого спасения, склянки выпитых зелий и окуривания отворотными травами помогали лишь очистить сознание, изгнав из него навязчивый образ чародейки, но они были бессильны выкорчевать прочно засевшую, словно впаянную в сердце струну, дёргая за которую та могла повелевать несчастным против его воли. Были те, кто пытался сбежать, уйти за сотни километров, оставляя между собой и ведьмой перепутья дорог, непроходимые чащи и бурные горные по-

токи. Всё было тщетно. Единственным способом разорвать невидимую связь было убить саму ведьму. Пламя костра развейвало тёмные чары, освобождая из-под колдовского гнёта десятки невольных любителей девичьей красоты.

Немудрено, что на ведьм охотились. Ещё с младенчества впервые принятые повитухой новорожденные девочки подвергались тщательному осмотру зорким глазом, ищущим малейшие стайки родинок на розоватой ножке. Однако ведьмы были не так просты. Чувствуя успешное зачатие, они покидали деревню, таясь вдали от троп в укромных уголках, скрытых от людских глаз, где на лоне природы извергали продолжение своего рода. Там маленькие девочки росли, лишь по достижении половозрелости возвращаясь к людям под видом погорельцев или усталых переселенцев, инстинктивно влекомые жаждой вершить свои колдовские ритуалы и во мраке безлунных ночей создавать себе армию безропотных пленников духа и тела.

Наслышавшись от Старого Эда красочных полупьяных баек о горькой доле горячих деревенских парней, введённых в грех соблазнительными коварными девами, дабы те потом использовали их в служении чернокнижникам, Йомен, как и все другие юноши в их селе, с малых лет усвоил простое правило: задирая юбку, обязательно глянуть на девичье бедро. Во власти пылающего зова плоти ему не всегда удавалось неукоснительно следовать этому правилу. Зарывшись в стог или затаившись в потайном углу сеновала, Йомен страстны-

ми поцелуями вымывал из сознания внутренний голос, шепчущий: «А вдруг?» А потом ещё пару недель ходил, резко останавливаясь как вкопанный и прислушиваясь к себе: не тянет ли его безропотно подчиниться какому-то необъяснимому зову?

Теперь же, когда в деревню вернулась Анна, проблема отпала сама собой.

Глава 4. Колдовское озеро

В лесу было тихо. Довольно подмигивая тусклой личине Рассветного Месяца, Йомен с наслаждением вдыхал ароматы росы и омытой дождём листвы. Утренний туман слегка пощипывал кожу, но он и не собирался ёжиться. Йомен уже предвкушал прохладную свежесть воды под ладонями и, не заботясь о том, что гибкие снасти могут зацепиться за прибрежный кустарник, бодро вышагивал по знакомой тропе к Русалочьему Озеру. Где-то там позади, потирая глаза и зевая во весь широко разинутый рот, семеня ещё полусонный Петро, тащивший вёсла да выдававший виды залатанный садок.

День обещал быть жарким, и им нужно было успеть перехватить голодную рыбу спозаранку, пока она не укрыла свои наливные бока в тихих омурах, питавшихся подводными родниками.

Сгрузив нехитрый скарб в лодку, Йомен оттолкнулся от берега, и в момент прозревший Петро, не испытывая особого желания мочить штаны, с размаху перевалил через борт. Посудина опасно накренилась, но Йомен уже схватил весло и, выровняв её, размеренными движениями погнал наперерез водной глади.

В том месте, где со дна били холодные ключи, на заре можно было словить нехилый клёв. Не замедляя ход, Йо-

мен предпочёл держаться вдоль берега, вглядываясь в заросшие буреломом дебри густой Дубравы, раскинувшейся вдоль озера. словно отряд грозных часовых, мощные деревья несли свой неусыпный дозор, молчаливым подозрением встречая каждый всплеск воды под вёслами. На той неделе где-то здесь Петро видел лису, и Йомен, вгрызаясь взглядом в переплетение ветвей, стремился высмотреть звериную тропу к водопою.

Пригоршней зачерпнув студёную воду, Петро умыл лицо, отфыркиваясь, словно конь, и, взяв в руки вторую пару вёсел, принялся помогать. Полчаса спустя они были уже на месте. Размотав леску, Йомен размашисто запустил крючок в озеро и принялся ждать.

То ли, предчувствуя жару, рыба заранее успела забиться в укромные уголки под корягами, то ли сегодняшняя мотылиная наживка была ей не по вкусу, но, промаявшись без малого три часа, Йомен с досадой отбросил от себя удочку. Петро грустно вытащил привязанный к корме лодки садок, явив на свет парочку сиротливо бултыхавшихся пескарей, и без видимого энтузиазма предложил:

– Ну что, ещё посидим?

– Да нет тут ни черта, – вконец рассвирепел Йомен и швырнул в воду булыжник, которым они подбивали грузило. Яростно булькнув, камень почему-то не ушёл сразу на дно, разметав вокруг себя на поверхности воды алые разводы, напоминавшие пляску зарницы. Что-то бесформенное,

но, очевидно, массивное засеребрилось под самой поверхностью озера и вдруг резко начало удаляться от лодки.

– Русалка! Ей-богу, русалка! Гляди, гляди! – вне себя от возбуждения возопил Петро, вскакивая на нос лодки, опасно накренившейся от резкого движения. – Давай за ней!

– Да брось, какая русалка, это всё байки Старого Эда, – отмахнулся Йомен, но как-то неуверенно, мысленно и сам дивясь странным подводным очертаниям.

– Да говорю ж тебе, она это, рыба-русалка, один в один как Эд сказывал, – и, не докончив фразу, Петро ухватился за вёсла и принялся что есть силы колотить ими по воде, устремляясь вдогонку. После секундного колебания Йомен присоединился к нему. Вдвоём они вспахивали озёрную гладь кипучими бороздами, взрывающимися в свете Полуденного Месяца снопами искрящихся брызг. Петро раскраснелся и пыхтел от натуги, и Йомен, заразившись его энтузиазмом, уже всюю налегал на вёсла, пытаясь сесть на хвост стремительно ускользящей вдаль мерцающей диковинке.

Войдя в раж, они почти поравнялись с существом, и Йомен, не сбавляя хода, нацелился веслом прямо в белевшую под водой тушу. Со всей силы опущенное весло с рассекающим воздух свистом рухнуло вниз, и, натолкнувшись на что-то податливое, разрубило его пополам. Вода забурлила кроваво пенящимися пузырями и, сияясь хоть что-то рассмотреть, Петро перегнулся за борт, держа наготове второе весло. В сторону Йомена он метнул триумфальный взгляд, бор-

моча:

– Сейчас, сейчас мы её...

Не успел он договорить, как мощный удар сотряс лодку, словно подкинув под брюхо деревянное днище. Вода потоком хлынула через борт, и в следующее мгновение Йомен очутился в озере. Развернувшись к болтавшемуся по ту сторону посуды Петро, он захохотал, глядя как тот пытается неловко ухватиться за скользкие бока лодки, и вдруг почувствовал, как что-то цепкой лианой обвилось вокруг его лодыжки и с неумолимой силой тянет на дно. Не успев сделать и вдоха, Йомен ощутил, как водное зеркало смыкается прямо у него над головой. Люто задрывавшись, он попытался ослабить хватку, но покрытые слизью щупальца свились узлом ещё туже, продолжая тащить его в омут потаённых глубин. Извернувшись как угорь, Йомен впился в мерзкую скользкую кожу и принялся что есть силы давить её пальцами. Та поддалась незастывшим студнем, распадаясь клочками желеобразной массы и освобождая его ногу. Кровь заколотилась в висках, в ушах зашумело, глаза заволокло пеленой, и Йомен интуитивно задрал подбородок в поисках спасительного света. Взмахнув руками, он мощными движениями погрёб наверх, но тут будто массивный снаряд врезался ему в бок, ломая рёбра и раздирая кожу сотнями крохотных игл. Перекувыркнувшись, Йомен замолотил кулаками по незваному противнику, без разбора попадая то по склизкой шершавой чешуе, то по резавшим как нож жабрам, то

по пружинящему аморфному бульону. Его перевернуло вниз головой и протащило ещё глубже, боль в висках усилилась, и, осознав, что это и есть его последние минуты, Йомен со всей дури вонзил кончики пальцев в податливую плоть и принялся кромсать её, просовывая ладонь всё глубже и растягивая мясо в разные стороны, не останавливаясь от бешеного трепыхания рыбьего хвоста и резких ударов щупальцев, хлеставших его по плечам и животу. Внезапно чудовище отпрянуло, словно бичом пройдясь по его спине, и чернеющей массой растворилось в мутной взвеси. Йомен почувствовал, что свободен. Повисшая со всех сторон зелёная дымка мешала сориентироваться, где верх, а где низ, и он яростно вертел головой, стараясь уловить хоть малейший блик лучей, слишком слабых, чтобы пронизать толщу воды.

Отчаянным усилием переборов всепоглощающее звериное желание глубоко вдохнуть, вдалеке он засёк едва мерцающий во тьме желтоватый отсвет и, зажмурившись, вложил все оставшиеся силы в мощные гребки ему навстречу. Чувствуя, как стальными жилами проступает напряжение во вздувшихся на шее венах, он загребал ещё и ещё, не останавливаясь, в полубессознательном состоянии отмечая, что свет приближается и становится всё яснее. Тогда, призывая всю свою волю, он в панике задёргался всем телом и замахал руками так, будто плыл в молоке и хотел взбить из него масло, и тут же почувствовал, что всё, нет сил дольше терпеть. Больше не повинувшись его воле, рот инстинктивно открылся,

и Йомен с хриплым рыданием заглотнул затхлый воздух. Сотрясаясь спазматическими всхлипами, он не сразу осознал, что сумел вынырнуть на поверхность и теперь завис лицом к голубоватому сиянию, силившемуся разогнать стыдливые остатки тьмы.

Глава 5. Слеза

Сперва Йомену почудилось, что уже наступила ночь, и на озеро опустилась темень, набросив на окрестный лес безлунное покрывало. Однако это было невозможно. Он просто не мог так долго бороться с подводной тварью. Йомен ясно осознавал, что, когда они впервые заметили загадочное существо, стоял разгар дня, и Полуденный Месяц раскалёнными копьями метал свои пылающие лучи вниз на землю. Однако же теперь вокруг царил непроглядный мрак, если не считать непривычного синеватого свечения. Подплыв ближе к берегу, Йомен различил в темноте высившиеся по левую руку валуны, и, повернув в ту сторону, вывалился из озера на каменистый берег. Лёжа на спине и уставившись в непроницаемое небо над головой, он подивился отсутствию звёзд. Сколько ни напрягал он зоркий глаз, но не смог различить ни одной подмигивающей крапинки.

Отдышавшись, Йомен перевернулся на живот и встал на колени. Голубоватое мерцание, казалось, исходило из дальней россыпи камней по ту сторону черноводья. Поднявшись, Йомен, шатаясь, побрёл туда. Всё ещё не понимая, отчего здесь так темно, он вперивал глаза в таинственное зарево, скрытое за громадными обломками скалы, напоминавшее ему отблески костра, горящего каким-то колдовским синим пламенем. Запнувшись о гальку, Йомен полетел головой впе-

рѣд и, выставив перед собой руку, врезался в стену. Уперевшись ладонями, он обшарил выщербленную поверхность и, прислонившись спиной, ещё раз обернулся, оценивая обстановку. Сомнений не оставалось – это был грот.

Мощная толща скальных сводов не пропускала сюда полуденный свет, чем и объяснялось неестественное ощущение времени. Воздух был тёплый и веял сыростью. Очевидно, единственным проходом в пещеру служил подводный тоннель, куда Йомена случайно забросило в пылу жестокой схватки. Теперь же ему предстояло выбраться обратно наружу, но прежде следовало выявить источник неземного сияния. Почувствовав, что его разум вновь способен критически осмысливать окружающую действительность, Йомен отвалился от стены и уже более уверенно направился к дальним камням. Таинственное свечение становилось всё ярче, по мере приближения невольно притягивая взгляд, и Йомен ускорил шаг, почти не глядя под ноги и с каждым мгновением рискуя упасть, зацепившись за острые выступы, и расквасить себе нос. Подойдя вплотную он увидел, что за валунами ничего нет, а мерное марево исходит будто бы изпод низу. Наклонившись, он запустил ладонь под камень, но не смог нащупать ничего, кроме влажной поверхности прибрежной гальки. Чертыхнувшись, он сгорбился в три погибели и, встав на карачки, прильнул щекой к приятно холодившим камням, основательно прошаривая рукой открывшуюся зияющую щель под валунами. Но его пальцы ухвати-

ли лишь пустоту, натолкнувшись на голую скалу. Недоумевая, Йомен вытянул руку обратно и в ту же секунду вскочил на ноги. Налипнув на кончик безымянного пальца, на шершавой коже подрагивала голубовато отливавшая бусина, испускавшая ровный рассеянный свет.

«Слёзы русалки», – пронеслось у него в мозгу. Не веря своим глазам, Йомен рассматривал таинственную каплю, любуясь её чарующей прозрачностью. В детстве он слышал немало мифов о русалках, а излюбленным занятием старины Эда в подпитии было травить байки о том, как он собирал лучших деревенских следопытов, и они охотились на русалку, заплутавшую в верховьях ручья.

Йомен никогда не думал, что эти сказания правдивы, считая их чем-то вроде местных страшилок про бабайку, которые рассказывали непослушным детям, дабы они боялись заходить одни далеко в лес. Но дрожащая жемчужина перед его лицом завораживающе мерцала, и он невольно вспомнил всё, что отложилось у него в голове о её колдовской силе.

Поговаривали, что охочие до мужских поцелуев русалки прятали свои кристальные слёзы в потайных гротах вроде этого. Каждый, кому посчастливилось найти такую слезу, должен быть размазать её по лицу, ощутив при этом жар ласкающих русалочьих губ. Взамен озёрная чаровница даровала смельчаку исполнение самого заветного желания.

Возможно, это была лишь легенда, но, глядя на хрустальный шарик, трепещущую в такт колотившему его нервному

ознобу, Йомен вдруг услышал язвительный хохот Анны и, затаив дыхание, вызвал в мыслях её смеющийся образ и резким движением мазнул по губам живительной влагой.

Ничего не произошло. Соприкоснувшись с кожей, сияние тут же растаяло, уступив место вездесущему мраку. С шумом выдохнув, Йомен отвернулся от камня и обомлел. Прямо перед ним стояла девушка с рыжими кудрями столь длинными, что, спадая каскадом до пят, они, словно покрывало, оборачивали её собой. На шее девушки зелёной искрой пламенел чистейший изумруд, вделанный в искусную золотую оправу. Вглядевшись, Йомен охнул – на ней не было абсолютно никакой одежды. Прикрытая лишь водопадом отливающих медью прядей, девушка рассмеялась звонкой трелью, рассыпавшейся под сводами мелодичным перезвоном серебряного колокольчика, и шагнула вперёд. И не успел он сообразить, что делать, как она горячим поцелуем впиалась в его губы. Машинально опустив веки, Йомен ощутил, как поцелуй растекается по его жилам огненной волной, его сердце, пропустившее удар, вдруг гулко заколотилось в груди, словно пара кузнецов, вернувшись с обеда, вновь принялись что есть силы бить по наковальне своими раскалёнными кувалами. Волна жара сменилась ледяным холодом, и Йомен услышал, как в его висках похрустывает кровь, застывающая замёрзшей коркой. Внезапно всё кончилось. Открыв глаза, Йомен увидел, что девушка куда-то исчезла. Пропал и голубой свет из-под камней, и золотистый отблеск волос. При-

выкшие к темноте глаза смогли различить лишь очертания
каменистого берега да выделявшееся чёрным провалом за-
стывшее рябью водное стекло.

Глава 6. Живой

С первым вдохом напоенного ароматами летнего воздуха, освежающим ветерком струящегося вдоль поверхности озёрной глади, в глаза Йомену ударил ослепительно яркий свет Полуденного Месяца. Казалось, время остановилось. Всё было ровно так, как и двадцать минут назад, и неровная хрупкая зыбь стелилась по поверхности воды, не тая в себе ни малейшего воспоминания об удушающей схватке. Метрах в трёх от его головы размеренные волны, разбегавшиеся кругами от взмахов его рук, баюкали опрокинутую лодку. Петро нигде не было видно, и, набрав полную грудь, Йомен зычно всколыхнул полусонную Дубраву криком: «Э-ге-гей! Петро!»

Из-под переплетения корней, низко нависших над берегом, с гомоном снялась стая переполошившихся крапчатых уток, а из-за раскинувшегося на берегу куста бузины, склонявшего изящные ветви к самому озеру, будто пришедши на водопой, высунулась взлохмаченная голова Петро. Увидев Йомена, он радостно заорал: «Живой!» – и в чём мать родила выскочил из укрытия, отплясывая какой-то дикий танец лихого лесного сатира.

С громадным облегчением ступившему наконец на твёрдую почву из треклятого черноводья Йомену он возбуждённо поведал о том, что как только его выбросило из лодки, он

успел заметить беспорядочно размахивавшего руками Йомена, скрывшегося под водой, и потратил добрых полчаса, ныряя на глубину в тщетных попытках отыскать приятеля. После чего догрёб до лодки и попробовал перевернуть её обратно, что также не увенчалось успехом. Выструганная из цельного дубового ствола, она была тяжелей, чем скала. Тогда решив, что самое меньшее из того, что он вообще может сделать в такой ситуации – это не утонуть самому, он выбрался на бережок и, отжав из намокших штанин и рубахи ведро воды, развесил их на ближайший куст.

Лёжа под трепещущими на ветру огромными полотняными парусами, Йомен ощутил себя сказочным мореплавателем, стоящим на палубе готовой к отплытию бригантины. Хмыкнув, он расплылся в улыбке, почувствовав, как тревожное напряжение сегодняшнего дня мало-помалу отпускает его. Повалившись плашмя на мягкий палас лесного разнотравья, он описывал свои приключения в русалочьем гроте.

Подавшись вперёд, Петро расширенными от любопытства глазами сверлил Йомена. Начав с того, как ему чудом удалось стряхнуть с себя намертво впившуюся в ногу упрямую тварь, тот описал загадочный подводный свет и таинственную пещеру, в котором озёрная дева соблазняла его колдовским поцелуем, сознательно умолчав лишь об отчаянно загаданном желании. Жадно внимая каждому слову, Петро с досады крикнул и хлопнул себя по колену, не веря, что Йомен упустил такой шанс.

– Не мог ты сразу её схватить! Вот если б она меня поцеловала, я б...

– Знаем, знаем, сей момент потащил бы её в ближайшие кусты, – насмешливо перебил Йомен, памятуя о любвеобильности падкого на женскую красоту Петро, ставшей по всем окрестным деревням притчей во языцех.

– Смейся, смейся, уж я б её не упустил! – насупившись, ворчал тот, тщетно пытаясь всунуть ногу в замотавшуюся штанину.

– Верно сказывал Старый Эд, озеро-то это проклятое. А мы всё посмеивались над ним, думали, это он по пьяни сочиняет.

– Спасибо скажи, что жив остался, а то б утащила тебя под воду чародейка озёрная.

Обсуждая меж собой внезапно открывшуюся магическую силу озера, Йомен и Петро быстро зацепили так кстати прибывшую к берегу лодку, навалились на неё с двух сторон, и с оглушительным всплеском перевернутая посуда встала на место, окатив свежевысохшего Петро фонтаном яростных брызг. Сетуя на вновь промоченные штаны, он угнездился на корме, где, взявшись за единственное непотопленное весло, сиротливо погрёб прочь от колдовского омута.

Глава 7. Вести

– Слышал, что поговаривают? – чернуший от копоти взмокший Петро вылез из дымохода, отбросив кусок закопчённой пакли. – Намедни Старый Эд резался в своём трактире в картишки с заезжим гостем да нажрался вусмерть. А тому карта так и прёт, ну он возьми да и ляпни, мол, ставлю все свои угоды да против Эдова трактира. Больно уж, говорит, у вас тут пиво хмельное, мне по вкусу. А Эд-то сам порядочно наакался, лыка не вяжет, да и согласился. Марта его дюже рыдала и руки заламывала да в ноги ему кидалась, а тот хрясь кулаком по столу, мол, я, говорит, в доме хозяин, забирай, всё на кон ставлю: и трактир, и ещё лошадей табун в придачу. А тот возьми да и проиграй. А парень-то непростой оказался, у него пшеничных полей вплоть до самых городских стен засеяно. Да доходу-то от них, почитай, мешков десять золота с каждого – мука-то отборная, на княжеский двор возится. Он там официальным поставщиком значится. Эд-то теперь ходит гоголем, всё хвалится, мол, справлю себе избу новую, да двухъярусную, чтоб по утрам на балконе чай гонять. Мельницу вот собрался перестраивать, чтоб зерно самому молоть да муку чистоганом князю гнать.

Покосившаяся заброшенная мельница мирно доживала свой век на подворье Йомена, приютившись сразу за домом, грозным скрипом грозя развалиться под ударами ветра и

проломить закиданную свежей соломой крышу его избы. Йомен уже давно порывался разобрать её на дрова, да память об отце останавливала его. Будучи деревенским мельником, тот прожил здесь всю жизнь и своими руками выстроил её, да ещё возвёл дом, где теперь и обосновался Йомен. Склонившись над ручьем в самом узком его месте, где стремительный поток с рёвом нёсся вниз с крутого косогора, она ещё могла похвастаться гордо выпяченным громадным мельничным колесом, грустившим о былых временах, когда оно без устали крутилось, звучно шлёпая лопастями пенившуюся стремнину.

Йомен призадумался. Несомненно, это было ближайшее место на ручье, пригодное для мельницы. С другой стороны, ему нравился отчий дом, высившийся у самого берега. Он давно уже привык к нескончаемому журчанию волны, а добротный дубовый сруб мог простоять ещё не одну сотню лет, балуя в июльский солнцепёк столь необходимой прохладой.

У него не было никакой охоты продавать подворье, пусть даже Старый Эд посулил бы ему все сокровища мира. «А может, Петро всё брешет», – подумал он и выбросил беспокойные мысли из головы.

Однако же, слывший в селе самым бессовестным сплетником, у которого язык, что помело, Петро на этот раз оказался прав.

Ещё не успел вскарабкаться на небо Вечерний Месяц, как скрип калитки возвестил Йомена о непрошеном госте. Во-

лоча ноги по двору, Старый Эд доплёлся к нему под навес и, обшарив хитрыми глазками разбросанные тут и там инструменты, вкрадчиво запел:

– Слыхал, что нынче в трактире было?

– Да, слыхивал уж!

– Небось, Петро, что сорока на хвосте, принёс.

– Он самый. Только не продам я избу.

– Ты погоди, не горячись. Давай хоть в горницу зайдём, потолкуем. Я ценой не обижу.

– Сказал, не выйдет. И денег твоих не возьму.

– Как же, ты и сам с умом. Только вот умом да гордостью сыт не будешь. Ты парень молодой, справный, хозяйство себе заведёшь, телят купишь, али коней.

– Мне дом этот дорог. Отцово наследство.

– Так а я об чём? Пора и о своём наследии подумать, какого добра нажил? Что детям своим оставишь?

– Слушай, Эд, ищи другое место под мельницу, а этой избой торговать не стану.

– Да ты не сердчай, я ж по справедливости хочу. Сотню золотых тебе отсыплю. На них знаешь, какое подворье можно отгрохать – любо дорого!

– Мне и тут хорошо

– Две сотни бери. И хату новую тебе срубим, аккурат возле Дубравы, всё к озеру ближе будет.

– Говорю ж, не перееду.

– Забирай двести пятьдесят.

– Завязывай, Эд!

– То ж можно полста лет прожить и забот не знать, каждый день в трактире пенным угощаться, да не одним!

– Ну не продам я дом!

– Четыреста?

– Да не в деньгах тут дело!

– Деньги мои не нужны? Тогда чего же ты хочешь?

– Ничего мне от тебя не надо! – вконец разозлился Йомен и, с досады метнув молоток под стол, повернулся спиной и направился к двери. Он был уже на пороге, когда вслед ему закрипел вкрадчивый голос:

– Знаешь, а я тут долго подбирал жениха для Анны.

Будто вдаренный обухом топора по голове, Йомен прирос к полу и, медленно развернувшись, уставился на Старого Эда.

– Ты стал бы ей отличным мужем.

– Она никогда не согласится, – хрипло просипел Йомен, сглатывая слюну.

– Уважит традиции предков. Слово отца – закон.

– Не могу же я тащить её замуж насильно!

– Да? А по мне так пусть хоть заупирается, перечить всё равно не посмеет.

– Не стану я так.

– Ну, как знаешь.

– Да она же возненавидит меня за это! – вырвалась у Йомена отчаянная мольба.

– Да пусть ненавидит, сколько хочет – зато будет полностью твоей. Ты ведь этого так хочешь?

Хитрый взгляд Эда, казалось, прожигал его насквозь, проникая в самые сокровенные уголки сердца. «Он знает», – пронеслось в голове у Йомена. «Да все уже знают», – тут же поправил он себя. В глубине души он был готов поклясться, что это его самое сокровенное желание, единственное, чего он жаждет получить, то самое, что он загадал чаровнице в гроте.

– Я не тороплю, ты подумай, – милостиво замурлыкал Эд и, неспешно прошаркав мимо Йомена, вышел вон.

Глава 8. Ультиматум

На следующий день в самый разгар трудового дня Йомен отворил калитку трактира. Промаявшись всю ночь в раздумьях, он так и не смог одолеть душившие его муки выбора того, что было так желанно, но так неправильно. Какой-то тонкий пищущий голосок подзуживал ему прямо в висок, пульсируя при каждом ударе сердца: «Что если её сосватает Филипп? Его отец отвалит полдюжины мешков с золотом, лишь бы породниться с семьей старосты. А чем ответить ему, Йомену?» Хмурое решение пришло лишь с рассветом. «Пусть так, чем упустить её навсегда!» – мрачно подумал он.

Запахавшись, Анна влетела в комнату, на ходу кивнув отцу:

– Петро сказал, что ты ищешь меня! – и только тут заметила стоявшего в углу Йомена.

– О! – растерянно бросила она в его сторону, всё еще не понимая, в чём дело. Необычно опрятный, он был одет в свою новую нарядную рубаху и, едва завидев её, подался навстречу, не сводя с её лица своих чёрных глаз, словно молящих о чём-то. Сбитая с толку, она перевела вопросительный взгляд на отца. Тот ухмыльнулся:

– Вот, сватать тебя пришёл. А что, молодец что надо.

Ошеломленная Анна только и успела открыть рот.

– Так вот, парень толковый, правильный, работающий. Гре-

хов за ним не водится. Так что выбирай дату, да только чтоб до ярмарки успеть, а то там уж дел невпроворот будет, с этой кутерьмой закрутит-завертит.

– Да я не пойду за него! – обрета голос, возмутилась Анна.

– Ну, своё родительское благословение я уже дал, стало быть, дело решённое. Теперь только с числом определиться.

– Но я не хочу замуж! – вновь протянула она.

– Слово моё отцовское для тебя что камень. Просватана, так пойдёшь.

– Отец!

– И слышать не желаю. Так что, свадьбу справлять будем, али в управе отметитесь?

– Да не буду я с ним! Не хочу и не выйду!

– Выйдешь, коли придётся.

– Но ты ж говорил мне самой суженого присматривать, ты обещал дать мне выбор.

– Обещал – сдержу. Выбирай день.

– Ты ж божился не давить на меня!

– А на кой тебе этот выбор? Вот жених, всем хорош!

Переведя взгляд на Йомена, на лице которого хрупкая надежда сменилась проступившим отчаянием, Анна почувствовала, как изнутри в ней поднимается клокочущий комок. Как он мог? Условиться с отцом за её спиной! Исподтишка, не оставив ей голоса! Он даже не спросил её саму!

– Не пойду я за тебя, – резко отчеканила она, ошпаривая его обжигающей смесью ненависти и презрения.

– Ну, полно лясы точить, работа стоит. Дело сделано, значится, через неделю под венец.

Не желая слушать его дальнейшие тирады, Анна, вся кипя от возмущения, вихрем скатилась с крыльца.

Йомен шумно выдохнул.

– Ты не переживай, в управу явится, как миленькая, деваться-то ей некуда. Только поостынет малёк. А мы с тобой ещё насчёт мельницы потолкуем.

Глава 9. Управа

Они ждали уже полчаса, бесцельно уставившись на залитый ярким светом двор. Коротая время под окнами управы, Йомен ощущал, как с каждым ударом сердца внутри что-то сжимается. Костяшки пальцев на его накрепко сжатых кулака побелели, но он не чувствовал боли.

– Не волнуйся ты так, девицы вечно опаздывают, – грубый голос Петро, довольно шутившегося на месяц и машущего веточкой цветущего жасмина, вырвал его из забытья.

– Явится, – согласился Эд. – Не посмеет меня послушаться, я ж ей...

Тут из-за угла вылетела запыхавшаяся Маришка:

– Простите, что опоздали. Босоножка куда-то запропастилась, а потом тесьма на шнуровке лопнула, пришлось срочно пришивать, да я не особо умею...

Не слушая её болтовню, Йомен рванул вперёд и увидел Анну. Она не стала надевать наряд невесты и стояла перед ним в коротеньком летнем сарафане, отделанном по краям кружевными оборками. Почти безупречная белизна ткани подчёркивала загорелые плечи, а нижние оборки на подоле трепал лёгкий ветерок, игриво обнажая скрытую стройность ног. Вместо распущенных по плечам локонов, она собрала отливающие в сиянии Полуденного Месяца золотом пряди в высокий хвост, для нарядности обмотав его алой лентой, а

её шею затейливо перехватывала тонкая нитка бус, спускавшаяся глубоко вниз к притягивавшему взгляд треугольному вырезу.

Удостоив Йомена лишь мимолетного взгляда из-под ресниц, но не проронив ни слова, она прошествовала мимо них прямо на крыльцо и вошла в управу. Переглянувшись, они отправились следом. Старый Эд, как видно, торопился. Не желая задерживаться дольше необходимого, он скороговоркой протараторил венчальные слова о таинстве семейных уз и выложил перед ними на стол старинную книгу, уже заботливо раскрытую на нужном развороте.

Первым процарапав своё имя, Йомен отступил в сторону, уступая место Анне. Она взяла в руки перо и склонилась над пожелтевшей страницей, но тут же замерла, и, уловив её секундное замешательство, Йомен вдруг с ужасом подумал: «Вот сейчас она бросит перо на пол и заявит, что и знать меня больше не желает». К его удивлению, Анна быстрым росчерком отметилась в книге и, всё так же не поднимая глаз, обратилась к стоявшему рядом напыщенному отцу:

– Куда теперь?

Потирая руки, тот расплылся в кривой улыбке:

– К сватье. Уж она-то наготовила кушаний, аж стол ломится, а такое дело не грех и отметить. Сегодня погуляем на славу!

Залихватски закинув руку на плечо всегда готового к халлявному угощению пенными напитками Петро, он с гром-

ким шумом вывалился из дверей управы, на ходу бросив взвизгнувшей от восторга Маришке золотой, выуженный из кармана, от чего та сразу разругянилась и кинулась в пляс, а потом, подпрыгивая от нетерпения, устремилась им вдогонку.

Повернувшись к Анне, Йомен протянул ей руку, но она отвернулась от него, язвительно усмехаясь:

– Ты разве не слышал, что сказал отец? Впереди у тебя славная гулянка!

После чего, так и не подав ему руки, спустилась с крыльца и скрылась за углом.

Оставшись один, он вышел наружу, так до конца и не уверенный, сбылось ли его заветное желание, обещанное озёрной девой, на счастье или на беду.

Глава 10. Маришка

Дни потекли как обычно, за исключением того, что Йомен теперь ходил по селу в состоянии какого-то приподнятого помутнения. Работа спорилась в его руках и, мурлыча под нос незатейливую песенку, за неделю он умудрился переделать всё, что было запланировано на месяц. Пospешавший, чтобы угнаться за ним, Петро в конце третьего дня выбился из сил и, плюнув, принялся двигаться дальше в своём темпе, лишь изредка вскидывая голову, чтобы подивиться на улыбающегося чему-то в собственном воображении Йомена и, качая головой, вернуться к молотку.

Дувшаяся весь первый день Анна к полудню второго оттаяла. Её ненасытная натура жаждала общения, и за обедом она принялась оживлённо пересказывать Йомену последнюю сплетню о том, как Маришке на ярмарке какой-то заезжий цыган подарил серьги из монет, да не простые, а заговорённые. Теперь, коли той вздумается, она может приворожить любого парня и взять над ним безраздельную власть. Вполне справедливое замечание Йомена о том, что единственное, над чем Маришка сможет взять безраздельную власть, так это свинарник Старого Эда, раззадорило её настолько, что, раздосадованная его неверием в чародейские серьги, она принялась спорить с ним. Слова сыпались с её губ, как отшелушиваемые белкой скорлупки с кедровых ши-

шек. В итоге Йомен был вынужден сдаться, но ничуть не расстроился. По крайней мере, она говорила с ним. О большем мечтать ему пока не приходилось.

Сразу после свадьбы напустив на себя неприступный вид, к ночи Анна задувала все свечи, кроме одной, и, скрывшись за перегородкой, появлялась уже в спальне в сорочке и с заплетёнными на сон косами, решительно шествуя мимо обескураженного Йомена к дальней половине кровати, всем видом давая понять, чтоб он и помышлять не смел о чём-то супружеском. Опасаясь навлечь на себя столь нежелательную сейчас порцию её гнева, он и не позволял себе ничего лишнего, рассматривая её украдкой в течение дня, пока она хлопотала у стола или, склонившись, разжигала огонь в печи.

В остальном же со стороны они казались обычной деревенской семьёй, каждый вечер зажигавшей начинавшие темнеть окна избы уютным домашним счастьем.

Так продолжалось бы и дальше, если бы не острый язык уязвлённой Маришки, затаившей кровную обиду на стайку сельских девиц, разнёсших по селу развесёлую байку о её ранней зорьке с удалым цыганом. Столкнувшись нос к носу с Анной на крыльце трактира, она вспыхнула кумачом, когда та принялась вполголоса шушукаться с подружками, исподтишка бросая на горевшую со стыда Маришку насмешливые взгляды. Решив, что этого недостаточно, Анна выступила вперёд и участливо осведомилась:

– А что, Маришка, много ль женихов уже приворожила?

Али серьги-то оказались не волшебные?

Рассвирепев, та бросилась к обидчице и, отбросив природную кротость, завопила:

– А ты, ты сама-то приворожила кого? Али по отцовской указке спихнули замуж, да так и маешься, нос воротишь, да мужу в кровать к себе ходу не даёшь?

Обескураженная Анна захлопнула рот и, окатив Маришку уничижительным взглядом, молча прошествовала мимо.

Тем же вечером, словно стремясь доказать всем, что у них всё по-настоящему, она скинула с себя платье прямо у постели в свете свечей, не прячась за ширму, и, накинув полупрозрачную сорочку, обернулась к Йомену, с вызовом глядя ему в глаза:

– Ну, спать идёшь?

Не решаясь проверить, верно ли он истолковал сей призыв, он стянул с себя рубаху и, подойдя к ней вплотную, поколебавшись, несмело обвинил рукой тонкую талию, робко привлекая её к себе. Однако он зря осторожничал. Ласково привечая его, она не оттолкнула прочь его руки, а поддалась настойчивым поцелуям, всё более уверенным градом покрывавшим её лицо.

После этого она уже не сторонилась и, не таясь, позволяла ему прилюдно обнимать себя, мимолётно касаясь губами его щеки. Видя, что дело идёт на лад, Старый Эд воспрянул духом и, вызвав как-то Йомена на мужской разговор, пока женский пол, с ахами и вздохами тыкая пальцами в изящ-

ное кружево, восторгался новым платьем Анны, между делом даже обмолвился о внуках.

Впрочем, об этом судить было ещё рано. После той ночи Анна больше не подпускала его к себе. Но, наслаждаясь зыбким счастьем, Йомен всё равно упивался долгожданной возможностью каждый день быть рядом с ней. Просыпаясь посреди ночи и щурясь на заглядывающий в окна любопытный Полночный Месяц, он слушал её мерное дыхание, уповая лишь на то, чтобы так продолжалось вечно.

Глава 11. Цыган

Блаженную тишину прервал стук калитки и ворчание во дворе. Всю последнюю неделю проходивший чернее тучи Петро изводил себя лютой ревностью. Вот и сейчас, прогрохотав башмаками по крыльцу, он брякнул кулаком по столу, объявляя, что, не медля ни минуты, отправляется на поиски коварного цыгана, столь полюбившегося Маришке, чтобы хорошенько растолковать тому, что ему следует подальше держать свои цыганские грабли от коварной искусительницы. Не горевший особой охотой влазить в чужие амурные дела Йомен поначалу наотрез отказался сопровождать друга. Лишь безрассудная ярость в глазах взвинченного до предела Петро заставила его передумать. Кто знает, каких дров мог наломать его приятель в состоянии испепеляющей неумолимости, тут и до смертоубийства недалеко.

В конце концов Йомен отправился с Петро, и, спустившись по лесной тропе к речному берегу, где деревенские сплетники последний раз видели цыгана, они разделились, чтобы прочесать Дубраву. Битый час безрезультатно проплутав по безлюдным дебрям, Йомен забрёл в тёмный угол чащобы. Свет Вечернего Месяца уже не пробивался сюда, и заросший густым кустарником подлесок недружелюбно царапал кожу незваного пришельца, тонкими когтистыми прутьями раздирая прохудившееся полотно рубахи. Распоров

себе ногу впившейся кривой корягой, Йомен обозлился и уже вознамерился выбираться обратно, как вдруг его взгляд зацепился за чернеющий провал в сплетении ветвей.

Босую стопу обожгло огнём, и, не сдержавшись, Йомен изрыгнул себе под нос проклятие. Поросли молодой крапивы тысячами безжалостных колючек вонзались ему в кожу. Скрючившись, он приник к земле, неистово моля, чтобы чахлые стебли скрыли его от посторонних глаз, и крадучись пополз к дому.

Низкая хижина едва проглядывала среди протянувшихся со всех сторон изогнутых ветвистых обрубок, покрытых полчищами узловатых наростов. В полумраке они чернели мшистыми отростками, словно ошетилившиеся злобные чудища. Торчащие острые сучья так и норовили выколоть глаза, не пойми откуда взявшиеся громадные жирные мухи немедленно облепили лицо Йомена, непрестанно ползая и проталкивая свои жирные тела ему в ноздри, не давая вдохнуть, а пальцы то и дело натыкались на противную слизь, полупрозрачной гнойной коркой намертво прилипавшую к ладони. Добравшись до покрытой седой паутиной вязью полусгнившей двери, Йомен заметил, что вместо ручки посередине зияет какая-то дыра, и, наполовину оглушённый бесконечным жужжанием мух, ворочавшихся прямо в его ушных раковинах, ткнул туда обмазанным зеленоватой смердящей жижей пальцем, но тут же отдёргнул его, содрогаясь от едкого жжения. Крохотная кровавая точка, примом-

стившаяся на самой подушечке указательного пальца, разбухла на глазах. Острая боль не отпускала, и, наклонившись пониже, Йомен с ужасом различил шесть тонких щетинистых ножек, словно миниатюрные трубочки, торчащих из-под надутого кожного боба, жадно впившегося в его руку. С отвращением отбросив от себя ладонь, Йомен что есть силы размазал проклятого кровопийцу о дверной косяк. Высосанная кровь багровым пятном плеснула на трухлявые дверные плашки и, скрипнув, дверь медленно подалась внутрь. Достав из-за пазухи склянку с дьявольскими грибами, Йомен энергично потряс её и, мотая головой, чтобы согнать с себя надоедливых мух, шагнул внутрь. Ядовитая горечь испарений немедленно поглотила его, забираясь прямо в нос и перша в горле, из глаз невольно засочились слёзы, но мириады мух, вероятно, избегая губительного запаха, наконец, оставили его в покое.

Задевая головой свисавшие с потолка засохшие куриные лапы, растопырившиеся цепкими когтями, и, словно бусы, нанизанные на верёвку скалящиеся черепа каких-то мелких лесных грызунов, он осмотрелся. Покрытый ворохом женского тряпья, в углу стоял обитый кожей потёртый сундук, а больше в комнате ничего и не было. Подивившись, зачем цыгану столько девичьего платья, Йомен сгрёб в охапку груды разноцветных одежд. В нос ему пахнуло приторно-сладким ароматом спелой клубники и, нахмурившись, он воскресил в памяти обиженные сетования Петро на Маришку: «Ходит

вся расфуфыренная, благоухает, будто ягода лесная». «Видать, здесь не обошлось без магии», – нахмурившись, подумал Йомен и торопливо разжал руки, низвергая на давно не подметавшийся пол пёстрый калейдоскоп юбок, рубах и сорочек. Вытащив из кармана перочинный нож, он приставил лезвие между крышкой и обшарпанным боком и, просунув в щель острый конец, продавил и повернул. Треснув, тяжёлое дерево подалось. Уперевшись ногой в пол, Йомен с усилием откинул дубовую крышку и, заглянув в ларь, охнул.

Всколыхнувшись под широко разлившимся сиянием грибов, беспорядочно разбросанные по дну серьги, браслеты и ожерелья резали ему глаза, вспыхивая в оранжевом свете сотнями сверкающих искр. Начищенным золотом, серебром и медью ярусами стелились монеты, витиеватыми гроздьями собранные в массивные серьги вроде тех, что он видел на Маришке. Краем глаза заметив какой-то всполох зелени, Йомен согнулся пополам и сунул голову в сундук, чтобы поближе рассмотреть отрывшуюся россыпь сокровищ. Отражаясь кристально прозрачной изумрудной каплей, камень размером с кулак переливался ровными гранями и словно манил своей насыщенностью. Горделиво выглядывая из золотой оправы, он прыснул в лицо Йомену ослепляющим блеском, и, отпрянув, тот почувствовал, как стынут его ладони.

Перед ним был тот самый камень, который он уже видел раньше, на шее у русалки в потайном гроте. Но как это было возможно? Слывшие властительницами вод, озёрные чаров-

ницы избегали суши. Проникая взглядом в самое сердце гранёного самоцвета, Йомен, словно замороженный, тонул в его манящей глубине и, опуская подбородок всё ниже, уже мог различить, как его дыхание оседает на зеркальных сторонах влажной туманной дымкой. Забыв, как мыслить, он боролся с непреодолимым желанием коснуться гладкой поверхности и, теряя контроль, погружался глазами в бездну колдовского кристалла. Не выдержав, он коснулся его губами.

Словно очнувшись ото сна, в ту же секунду Йомен засёк какое-то движение сбоку и, с шумом выдохнув, отпрыгнул от проклятого сундука. Мощный удар сотряс хижину и сбил его с ног. Покатившаяся по полу склянка высветила огромную тень нависающей над ним дьявольской фигуры, и, задрав голову, Йомен увидел мужика, в полутьме скалившегося в кровожадной ухмылке. «Цыган», – пронеслось в мозгу у Йомена, и, оттолкнувшись коленями от стены, он быстро перекатился в угол за ларь. Громкий треск разорвал тишину, и дощатый пол хижины застонал, проломленный массивным топором. Будто играючи, Цыган дёрнул топор на себя и, взмахнув им над головой, как пушинкой, сшибая связки костей и черепов, рассёк воздух над ухом Йомена. Едкая волна ударила тому в ноздри. Сгруппировавшись, Йомен кинулся противнику в ноги. Вложив в атаку всю свою мощь, он натолкнулся на глухую стену из непробиваемых, словно окаменевших, коленей и с грохотом сам рухнул ниц. Не шелохнувшись от такого натиска, напротив, возвышаясь, слов-

но твердыня, Цыган хлестанул топором по его руке, отсекая палец. Алая струя брызнула Йомену прямо в раскрытый рот и, захлёбываясь солоноватым привкусом собственной крови, он заорал от дикой боли. Схватив поверженного Йомена за шиворот, как щенка, Цыган резко двинул ему коленом в зубы. Ощущая, как хрустят передние резцы, Йомен нелепо взмахнул изувеченной ладонью. Врезавшись в атласное полотно штанины, пальцы скользнули по ткани, успев захватить её в горсть, и, стиснув кулак, Йомен рванул вниз расписные шаровары. Слетев до пят, те многослойным гнездом укутали ноги Цыгана, и, словно стреноженный, тот заметался на одном месте, угрожающе раскачиваясь, как дрожащая осина на ветру. Подскочив на ноги, Йомен плечом пихнул его в бок и, хватанув из сундука первый попавшийся предмет, метнул противнику прямо в лицо. Тяжёлая россыпь монет звякнула, на лету рассекая тому бровь, но, не заметив заструившейся крови, Цыган поймал равновесие и ринулся вперёд. Падая навзничь, Йомен прокатился по полу ему навстречу, вытянув вперёд носок ноги, словно исполняя залихватское плясовое коленце, и подсёк рассвирепевшую тушу. С оглушающим рыком Цыган рухнул на сундук, размозжив глаз об острый деревянный угол. Не дожидаясь, пока тот очухается, Йомен содрал с потолка птичью лапу, расшипившуюся острыми иглами когтей, и что есть силы вонзил Цыгану в плечо. Тот задрожал, но Йомен пяткой наступил ему на руку, всем весом давя на пальцы, сжимавшие заляпанный

ошмётками плоти топор. Резко потянув рукоять, он завладел топорищем и, чувствуя, что Цыган силится подняться, рубанул потную засаленную шею.словно не заметив удара, Цыган рывком выпрямился и как был со вскрытой шеей, зияющей рваной раной, стал наседать на Йомена. Он двигался, будто слепой, уставившись в одну точку. В его глазах Йомен прочёл бессмысленное выражение и на секунду отпрянул, невольно опустив лезвие.

Раздувая волосатые ноздри, тот продолжал наступать. Хрипящее клочкотание вырывалось из расплосованной шеи, а левое плечо с перебитой костью висело как плеть.

Придерживая топор двумя руками, Йомен крутанулся вокруг оси и с размаху всадил жалящий металл в податливое пузо. Оседая, Цыган сгрёб его за горло и, перебирая грубыми ладонями по лицу, цепкими скрюченными пальцами принялся корябать ему глаза. Ослепший от ярких вспышек, Йомен наощупь провернул топор, чувствуя, как из распоротого брюха под ноги горячим водопадом хлынули рассечённые внутренности выпотрошенного врага. Тот всё давил на веки, силясь размозжить Йомену глазные яблоки и натужно хрипя ему в рот. Поплывшие перед взором Йомена радужные круги сменились чернотой, и, ещё глубже всовывая топорище, он подивился тому, что Цыган никак не падает. «Да он как зельем опоен! Знать, изба-то ведьмина!» – вдруг озарило Йомена и, теряя сознание в неумолимых тисках, он обмякшим мешком осел на пол, обессилев от неравной схватки.

Тут глаза отпустило, и слёзы живительным потоком хлынули Йомену на лицо. Захлёбываясь, он отплёвывался, жадно хватая воздух ртом и чувствуя, что его вот-вот вытошнит.

В висках гулко колотились чугунные молоты. Зрение потихоньку возвращалось, и в полутьме он различил очертания Цыгана, распластанного на спине безжизненной жирной тушей, подмявшей под себя теперь уже не нужный топор. Не глядя нащупав свалившуюся с потолка связку черепов, Йомен на всякий случай метнул тяжёлые костяшки в раскинутую перед ним буйными кудрями голову, но Цыган не пошевелился. Тогда Йомен дополз до порога и, вывалившись наружу, не оглядываясь, побежал прочь от ведьминской хижины.

Глава 12. Возвращение

Домой Йомен возвратился уже за полночь. Вдвоем с Петро они задержались у ручья, размышляя о том, что делать дальше.

На бегу зацепившись за шипастые побеги терновника, Йомен трясся всем телом, пытаясь освободиться, но с каждым рывком запутывался всё сильнее, пока, вконец потеряв остатки терпения, он не скинул с себя рубаху и не продрался сквозь куст в одних штанах. Пришлось знатно поплутать, чуть не наощупь отыскивая так и норовивший ускользнуть из-под ног еле заметный след примятой травы, но в итоге он всё же вышел к реке. Весь пропитанный кровью и грязью, Йомен стремглав бросился в воду, норовясь смыть с себя всякое воспоминание о колдовской избе.

Здесь его, продрогшего до нитки, и нашёл Петро, до первых звёзд бродивший по Дубраве в поисках соперника. Услыхав о безвременной кончине околдованного Цыгана, он озадачился, но тут же воспрял духом, памятуя о том, что отныне остаётся единственным претендентом на сердце Маришки. Решив поутру созывать мужиков и, засветло прошерстив лес, сжечь проклятую хижину вместе с её хозяйкой, они проследовали в трактир, где, всплеснув руками от такого безобразия, Марта, супружница Старого Эда, немедленно водрузила перед ними полную до краев тарелку ароматной

мясной похлебки. Подсевший с краю скамьи Старый Эд, с уже раскрасневшимся носом, услышав об их злоключениях, принялся травить байки о том, как в юности он с голыми руками ходил загонять ведьму, и за жаркими спорами, перемежавшимися взрывами оглушительного хохота, Йомен не заметил, как Вечерний Месяц уступил своё место Полночному собрату, озарившему бездонное небо холодным безжизненным светом.

Спохватившись, Йомен наскоро распрощался с Петро и заспешил домой. Ускорив шаг, он перешёл мосток через ручей и свернул в знакомый проулок, всполошив взвизгнувшую от испуга хавронью, по-видимому, совершившую дерзкий побег из наспех закрытого сарая. Должно быть, Анна уже спала. Стараясь не шуметь, Йомен отворил незапертую дверь и ступил в комнату. Глаза, не привыкшие к темноте, повсюду натыкались на непроницаемый мрак. С преувеличенной осторожностью продавливая носком ноги так и норовившие предательски скрипнуть плашки пола, Йомен на цыпочках прокрался к кровати и, откинув край одеяла, уже задрал колено, чтобы, не раздеваясь, скользнуть в постель, как вдруг в темноте послышался звук яростного встряхивания, и, озарившись оранжевым светом, тьма трусливо отхлынула под кровать, унося обрывистыми клоками гротескно вытянувшиеся тени, пляшущие на стенах.

Держа в руке склянку с фосфоресцирующими грибами, Анна приподнялась на локте, щекоча пышно взбитую по-

душку беззаботно растрепавшимися кудряшками. В свете самодельной лампы её голубые глаза, отражавшие мерное золотистое сияние, казалось, подернулись зеленоватой дымкой. Глядя на Йомена, застывшего, словно одноногая цапля, она улыбнулась, и на её щеках заиграли ямочки. Вполголоса она спросила:

– Ты чего?

– Да мы с Петро тут задержались, пока по Дубраве ходили, потом в трактире, я-то думал, ты спишь уже, – невпопад затараторил он, срываясь на взволнованный шёпот.

– Не сплю. Я тебя ждала, – она кинула банку посреди вздымавшихся барханами складок одеяла, приглушившего и без того тусклый свет. – Гляди, что я купила на ярмарке.

– Что? – машинально ответил сбитый с толку Йомен, совсем запутавшийся от столь внезапной смены темы.

– Вот, посмотри, – поведя плечами, Анна скинула покрывавшую её до самого горла простынь, открывая перед остолбневшим Йоменом переливающуюся перламутром ткань. Лёгкая, как паутинка, она мягкими волнами вилась вдоль тела, приликая очерченным рельефом женской фигуры. На секунду ему показалось, что Анна промокла, но она подтянула ноги под себя, и атласная пелеринка оживилась рябью, показывая, что это всего лишь блеск шелковистой ткани.

– Нравится? – наклонившись вперёд, вкрадчиво спросила Анна, невольно обнажая соскользнувшим с плеч полотном полускрытый складками вырез на груди.

– Ага, – выдавил из себя Йомен, не слыша, что из разинутого рта не вырвалось ни звука, кроме тяжёлого выдоха.

– Иди сюда, – поманила Анна, откидывая край одеяла, мягким пушистым облаком скрывавшего белизну ног, теряющуюся под коротеньким подолом струящегося шёлка.

Повинуясь, Йомен закинул ногу на кровать, да так и остался стоять застывшим столбом, возвышаясь над Анной. С тихим смехом обхватив его за плечи, она притянула его ниже, пока их взгляды не поравнялись и, взмахнув ресницами, затрепетавшими длинными тенями, кончиком языка провела по полусомкнутым губам, маняще выдохнув:

– Какой ты робкий!

Словно прикованный, отслеживая глазами её движение по увлажнённым губам, Йомен протянул руку и коснулся её щеки.

– Анна, – только и успелдохнуть он в ответ, как она, прилегая податливой волной нежных локонов к его щеке, принялась лёгкими порхающими поцелуями покрывать его плечи. Зацепив пальцем её танцующий подбородок, он повернул Анну лицом к себе и, чувствуя, как леденеют кончики пальцев, нежно тронул губами её рот. Безвольно повисшая рука скользнула по отшлифованному зеркалу материи, ощущая её приятность, но, не поддавшись искушению, тут же пробралась под ткань. Онемевшими от холода шершавыми ладонями Йомен прижался к нежной коже, разгорячённой приливающим током крови. Раздвинув бёдра, Анна приник-

ла к нему всем телом, наседая сверху, и Йомен, закрыв глаза, всецело отдал себя её упоительным объятиям.

Глава 13. Туман

Сначала ему показалось, что по её ноге ползет какая-то букашка. Протягивая руку, чтобы осторожно смахнуть надоедливое насекомое, Йомен вытянулся вперёд, но что-то неосязаемое, ещё не сформировавшись в очерченную мысль, вдруг смутило его. Он склонился совсем низко над девушкой, и, едва касаясь пальцами её нежной кожи, задержал дыхание. Сомнений не было – вереница из пяти крошечных точек затейливо складывалась полукругом. Но как это было возможно? В ту самую первую брачную ночь он ясно рассмотрел каждый сантиметр безупречной белизны её тела. А вчера в мерцающем свете грибов он собственными глазами видел Анну и вот этими же пальцами срывал с её полуприкрытого тела рубашку. Ему не было видно лица жены, но он готов был поклясться, что россыпь золотистых кудрей, веером раскинувшаяся по подушке, была именно той, в которую он так любил зарываться носом, млея внутри от тягучего аромата её волос. Та же белая кожа, изящные округлости бёдер. И всё же метки на ноге смеялись ему прямо в лицо своей подчеркнутой чернотой, словно крича во весь голос: «Это не Анна!»

Теряясь в вихре спутанных мыслей, Йомен в замешательстве протянул руку и решительно потряс все еще связанную оковами сна девушку. Изогнувши ногу, она перевернулась

на бок, вздохнула, и он увидел, как затрепетавшие ресницы раскрыли незнакомую поволоку глаз. Скотившись с кровати, Йомен повалил на пол небольшой столик со стоящим на нём букетом речных лилий. Она повернулась на шум и, глядя на неё сверху вниз, он увидел пронзительно зелёные глаза, озарившиеся мгновенной радостью. Чарующий изумрудный взгляд завораживал, и Йомен почувствовал, как у него путается сознание. Так и оставаясь до пояса обнажённой, она поднялась с кровати, и он вдруг почему-то ощутил, как жарким румянцем заливаются его щеки. Не делая попыток натянуть на себя стелившуюся по полу простынь, она, видимо, была совершенно в ладах со своей наготой, и, посмотрев на его напряженное лицо, звучно рассмеялась. Её негромкий смех рассыпался по комнате переливом серебряного колокольчика, и Йомен вдруг вспомнил ту деву, которая целовала его в подводном гроте.

– Ведьма, – только и смог произнести он, отпрянув.

Разливаясь мелодичной трелью, она смеялась все звонче, но, словно оглушённый, он не слышал этого. Перед его глазами всплыл чернеющий зев пещеры, в ноздри пахнуло могильной сыростью, он словно ощутил в руке знакомую тяжесть стального лезвия, крепко прижатого к бьющейся жилке на шее, и в уши ему ударил жаркий шёпот ведьмы: «Сделанное тобой вернётся к тебе. Хочешь знать каково это, быть изгоем?»

«Ну, идём, мой хороший!» – ласково поманила его она и,

сбросив на пол скомканную простынь, направилась к двери. Расширенными зрачками провожая манкое покачивание бёдер, Йомен с ужасом почувствовал, как внезапно отнявшиеся ноги сами несут его вслед за ней в рассеивающийся прохладой предрассветный туман.

Омут

Глава 1. Огонь

Обливаясь потом, Ниов ощутил, как вздымающиеся снопами искр языки необузданного пламени лизнули его пятки. В нос ударил отвратительный смрад палёных волос, накалившаяся кожа натянулась гладкой перепонкой, зудя мелкими иглами раннего местного ожога, и ему показалось, что среди едкого дыма и горечи копоти он различает запах обуглившейся плоти.

В следующую секунду он уже катился по мягкой щекочущей подстилке полевого разнотравья, едва смоченного дрожащими каплями прохладной вечерней росы. Чувствуя, как комья ссохшейся земли, выбитые его весом от удара о почву, неприятно впиваются в бока, Ниов выставил вперёд руки и резко остановился, почти уткнувшись носом в мохнатую кочку.

Взрыв дружного хохота за спиной раскатился по заливному лугу, вспугнув притаившееся на ночь в зарослях камыша семейство крякв. Громко возмущаясь, они снялись из-под окунавших склонённые ветви в студёный поток прибрежных ив и, бесформенными тенями скользя над чернеющей гладью, скрылись в темноте. К писклявому повизгиванию деву-

шек примешивались басистые раскаты утробного смеха, выдаваемые Гордеем. Злясь на себя за нелепое падение и проклиная дурацкую идею пойти с девицами на реку прыгать через огонь, Ниов поднялся на ноги и зашагал обратно к костру. Утерев слезу, прохохотавшийся Гордей поправил ремень на пузе, безуспешно пытаясь втянуть выпиравший живот, и благодушно осведомился:

– Живой?

– Да вроде, – буркнул Ниов, останавливаясь в трёх шагах от пламени и пряча вспыхнувшие румянцем щёки в густом переплетении теней.

– А теперь купаться! – весело скомандовала Фёкла, сдирая с головы атласную ленту и распуская по плечам длиннющие косы, словно парочка змей обвившиеся вокруг её статных плеч.

– Давай, давай, вода всё худое смоеет, – вторила ей Аглашка, приплясывая перед костром и размахивая аккуратным цветочным обручем из васильков и ромашек. – А потом венки пустим! Коли поплывёт, так и суженого жди скоро!

Нелепо хихикнув, девушки направились к реке и, сбегав с крутого склона на прибрежный песок, скрылись за кустами.

Пожав плечами, Гордей неторопливо последовал за ними.

– Идёшь? – бросил он не оборачиваясь продолжавшему стоять Ниову.

– Я догоню, – пискнул тот, извернувшись дугой и подскакивая в отблеске пламени на одной ноге, будто шаман, ис-

полняющий ритуальный танец. Тщетно пытаюсь вытащить из стопы застрявшую в ней колючку, он задрал пятку чуть не до подбородка и, подцепив ногтем продолговатый шип, потянул, но, потеряв равновесие, тут же рухнул на траву.

Скрюченную ногу свело судорогой, и, чертыхаясь сквозь зубы, Ниов кое-как развернул её ступнёй к себе, выковыривая досаждающую занозу.

Когда он, наконец, спустился по косогору к воде, здесь никого не было. Потянув носом приятную речную свежесть, Ниов замер на месте, напряжённо прислушиваясь. Какие-то шорохи и неясные голоса слышались справа за дальними кустами. Зайдя по щиколотку в тёмную воду, он побрёл туда. Быстрый поток приятно охлаждал обожжённую кожу ног, и Ниов не спешил, с наслаждением загребая пальцами рассыпчатый донный песок и то и дело останавливаясь, чтобы взглянуть на звёзды.

Однако за кустами девушек не обнаружилось. В недоумении Ниов постоял пару мгновений, пытаясь уловить хоть звук, но тишину нарушало лишь журчание потока. Приставив ладони рупором ко рту и отчего-то чувствуя себя неловко, нарушая царившее здесь спокойствие, Ниов зычно гаркнул:

– Горде-ей!

Одинокó прогремев над речной поверхностью, клич сиротливо оборвался, в этот раз даже и утки не спугнув.

Покрутив головой туда-сюда, Ниов уже хотел возвращать-

ся к костру, как невнятное бормотание вновь прошуршало меж ветвей чуть правее.

– Эй, вы тут? – обернувшись в ту сторону, заголосил Ниов и, не дожидаясь ответа, уже быстрее зашлёпал к чернеющему над водой ивняку.

Едва он обогнул куст и вышел на песчаную отмель, разговор затих, и он очутился один посреди пустынного берега.

– Да что ж такое, прячутся они что ли? – рассердился Ниов и пошёл напролом через кусты, вздымая фонтаны брызг и с громким треском ломая ветки. Прошагав с полсотни метров, он остановился. Нигде не было видно и следа Гордея или девушек. Пригнувшись пониже, чтобы рассмотреть залитый ровным светом берег, он вдруг заметил на дальнем краю цепочку следов, уводящих в воду.

– Э-ге-ге. Вот я вас и поймал! – смекнул Ниов и, больше ничем не выдавая своего присутствия, прокрался к печально поникшей ветле и притаился.

Сначала ничего не было слышно, но вдруг очередной порыв ветра принёс приглушённый женский смех, и гордый от того, что им не удалось его запутать, Ниов в три прыжка преодолел поток и, завернув за куст, выскочил на очередной дикий пляж.

Глава 2. Купание

Они были здесь. Вполголоса пересмеиваясь, обе девушки стояли к нему спиной, ловкими пальцами переплетая длинные светлые кудри, отливавшие в свете Полной Луны мерцающим инеем. Сообразив, что плечи их не покрыты тканью, Ниов вдруг замедлил шаг. Должно быть, спровадив куда подалее недогадливого Гордея, они скинули сорочки на берегу, решив окунуться голышом в освежающее течение. Подняв руки к вискам, они беззаботно плескались на отмели, и серебристая дорожка на чернильном водном зеркале колыхалась тихой рябью, омывая девичьи ноги чуть выше колена.

Зачарованный их непосредственной наготой, Ниов не осмеливался дышать, напряжёнными глазами впитывая сказочную картину. Пробежав умелыми движениями по всей длине волос, та девушка, что была повыше, двумя витками обернула получившуюся косу вокруг головы и, вероятно, закрепив её чем-то на затылке, легко всплеснула освободившимися руками и с тихим смехом бросилась прямо в воду, вздымая миллион сверкающих брызг. Нырнув, она заскользила под поверхностью выветленной стрелой, стремительно удаляясь от берега. Не желая следовать её примеру, вторая, тонкая, как тростинка, с нежным вздохом жеманно осела в струящийся поток, и, будто подсвеченное кристальной прозрачностью ручья, её тело засияло во тьме какой-то особой

белизной. Вытянув шею, чтобы лучше рассмотреть полускрытый под водной толщей девичий стан, Ниов осторожно переступил ногами, как вдруг явившийся ниоткуда резкий порыв холодного ветра толкнул его в спину, и, потеряв равновесие, он пнул покатым голыш, который с громким шумом плюхнулся на мелководье.

Вздрогнув, девушка обернулась, и Ниов увидел, что это вовсе не Аглашка и даже не Фёкла. Совершенно незнакомое лицо девушки не выражало испуга, и, не сделав попытки прикрыться, а лишь с головы до пят смерив его удивлённым взглядом, она пристально всмотрелась ему в глаза и вдруг улыбнулась. Разомкнувшись, алые губы полувопросительнодохнули ему навстречу:

– Что, жарко?

– Ага, – только и сумел выдавить Ниов, пленённый распахнутыми лазоревыми глазами, обрамлёнными сенью длинных ресниц. Тонкие изогнутые брови чуть вздёрнулись вверх, и незнакомка негромко рассмеялась.

– Пойдём купаться, – поманила она, отступая на глубину. Зачарованный, Ниов сделал шаг навстречу.

– Ближе, ближе, – дразнила она его, разметав заплетённые локоны за спину, открывая белоснежную кожу плеч.

Не помня, как его зовут и зачем он здесь, он последовал за ней. Зайдя по самую грудь, она остановилась и, игриво потряхнув головой, протянула к нему руки:

– Что ж ты в рубашке?

Онемевшими пальцами Ниов неуклюже стянул рубаху и, не зная, куда её девать, скомкал в кулаке, держа над поверхностью воды.

Захочотав так, что серебристые кудри, выбившиеся из косы, буйной россыпью запрыгали по её плечам, она выхватила рубаху у него из рук и, размахнувшись, зашвырнула её на середину реки. Проводив растерянным взглядом разметавшееся полотно, белой ладьёй пронёсшееся по течению, Ниов в недоумении повернулся к незнакомке и оцепенел. Она беззвучно подплыла совсем близко и, капризно закусив губу, склонила набок белокурую головку.

– Какой ты загорелый, – прошелестела она мягким шёпотом и припечатала руками его грудь. Влажные прохладные ладони нежно остудили разгорячённую кожу, будоража его кровь. Услышав, как он чаще задышал, она призывно облизнула губы и пробежалась пальцами ещё ниже, скрытая тёмной водой. Внезапно взвизгнув, она запрыгнула на него, приникая к пересохшему рту и обвивая ногами его поясницу.

Её мягкие губы оказались ледяными, и, ощущая, как жаром отдаётся внутри прикосновение нагого девичьего тела, Ниов вдруг понял, что отмель куда-то уходит у него из-под ног. Не чуя под собой земли, он летел в бездну, и мириады звёзд взрывались в его сознании яркими искрами. Девушка навалилась на него сверху, не разжимая крепких объятий, и он бултыхнулся в воду.

Почувствовав, что идёт на дно, Ниов вытянул ладонь, что-

бы отыскать опору, однако, не нащупав песка, пальцы провалились в податливое течение. Обездвиженный цепким хватом девичьих рук и ног, Ниов затрепыхался, пытаясь освободиться, но она ещё сильнее впиалась ему в губы. Напрягшись, Ниов оттолкнул её от себя, от усилия выдохнув из лёгких последние пузырьки воздуха, и тут же вскрикнул от боли, когда распалённая азартом схватки девушка вцепилась зубами в его язык. Ошалев от солоноватого привкуса во рту, он изогнулся ужом и, замотав головой, вырвался из мучительного плена. Дна всё ещё не было, и, увлекаемый незнакомкой, теперь он просто тонул в сомкнувшемся над ним непроницаемом водном капкане. Надсадная боль поднялась в груди, требовавшей немедленного вдоха, в висках колотились чётким ритмом удары сердца, и он попытался вывернуться, но тонкие пальцы намертво сомкнулись на его шее, и, пытаясь вырваться, Ниов задёргался всем телом. Погружаясь в пучину, он чувствовал, как горло сжимается железным кольцом, и, почти теряя сознание, вывернул подбородок и куснул терзавшие его руки. Не ожидая ответного напора, девушка отпрянула, и Ниов рванул вверх, загребая от плеча. Не желавшая упускать добычу, она ухватила его за колено, и, резко выпрямив ногу, он вдарил ей пяткой в переносицу. Вместо кровавого пятна в мутной взвеси растеклась какая-то яркая жёлтая жижа, и Ниов почувствовал, как стопу обожгло едкой кислотой. Лягушкой дрыгнув ногами, он выгребал наверх, но жёлтый туман разросся, непроницаемым покрывалом за-

полняя всё вокруг, и теперь он не видел, куда плыть.

Инстинктивно ощутив чьё-то движение, он отмахнулся рукой, и его пальцы ухватились за мягкие водоросли. Сообразив, что это её волосы, Ниов намотал их на кисть и, резко рванув, принялся крутиться волчком. Бьющаяся в бесплодных попытках освободиться, девушка волочилась за ним по кругу, тёмным силуэтом рассекая жёлтую мглу. Внезапно она стала будто разрастаться вширь, и извивающиеся змеи длинных волосистых щупальцев разорвали её грудь и спину, протянувшись во все стороны. Хлестнув Ниова по лицу, одно из них бичом распороло ему скулу. Воду заволокла кровавая пена, и, схватившись рукой за лицо, Ниов ослабил хватку. Чувствуя, что жертва сдаётся, девушка кинулась к нему, скручивая его тугими жгутами по рукам и ногам. Перевернувшись плашмя, Ниов что есть силы вдарил коленом ей в живот. Видя, как она согнулась пополам, он вцепился ей в голову и ногтями принялся выдирать клоки волос. Девушка заметалась, словно в агонии, и, ощущая, как сдерживающая его пути бессильно обвисли, он ринулся вверх.

В ту самую секунду, когда обезображенный асфиксией рот непроизвольно раскрылся в перекошенной гримасе, он вынырнул на поверхность и, резко вдохнув свежий ночной ветерок, стал судорожно оглядываться.

Ровное течение воды мерно журчало в лучах Луны, не нарушаемое ничем. Безжизненный берег был в десяти шагах, всё так же залитый белым сиянием. Замолотив руками по

воде, Ниов в два счёта догрёб до отмели и, выскочив на сушу, как ошпаренный, не останавливаясь, ринулся прямо в гору. Падая на колени и ломая ногти об осыпавшийся крутой склон, он, запыхавшись, вскарабкался наверх и, перевалив через край обрыва, повалился навзничь, словно пойманная рыбаком плотвица, лупоглазо хватаящая воздух на берегу. Обожжённая нога сильно саднила, и, усевшись, Ниов потянул стопу, чтобы посмотреть поближе. Только тут он увидел длинную прядь серебристых кудрей, накрепко зажатую в сведённом судорогой кулаке.

Глава 3. Омут

– Русалки, – со знанием дела заявил Гордей, наматывая на палец шелковистые локоны. – А здорово ты у неё выдрал!

Не расположенный шутить, Ниов хмуро посмотрел на товарища и отвернулся.

– Да, видать угодил ты в Русалочий Омут, – примирительно продолжал Гордей. – Вот она и пыталась утянуть тебя под воду.

– Откуда ж он взялся тут? Река-то километров на пять в обе стороны бреднем исхожена, тут же курам по колено!

– Это дело такое, брат, не иначе тут колдовские штучки замешаны. Раньше русалки в каждом озере да притоке водились, всё в заводях резвились да изредка заманивали нашего брата. А нынче повыловили их всех из-за слёз-то и чернокнижникам подавали за сундук золотых. Чай, сказывают, что слёзы-то у них чародейские. Кто такую слезу добудет да желание загадает, того речная дева поцелуем одарит, а в довесок и желание исполнит. Да только где ж этих слёз-то напасёшься? Редко их прячут русалки, да всё по потайным гротам, куда и вовек не попасть. Вот и ходят охотники по ручьям с сетями да бреднями, всех уж повыудили, а как поймают – хватать, и ведут к чернокнижнику. Уж он-то знает, как из них слезу добыть, только, сказывают, тёмное это дело. Что он над ними учиняет, не знаю, только кричат они диким

голосом да плачут, всё кричат да плачут, а тот, знай, собирает слёзы в кувшин.

Вот оставшиеся русалки и озлобились, лютой ненавистью полны к деревенскому люду, всё норовят их в омут затащить да кровь из них высосать. А омут-то непростой. Поговаривают, что есть у них русалка-чародейка, вроде ведьмы, но в воде живёт, так она их колдовству чёрному научила. И теперь в Полную Луну срезают они водяные лилии да несут на прибрежный луг омыть росой вечерней, а после караулят у берега под вётлами. Как увидят зазевавшуюся скотину, так в воду её тащат, а там вяжут ей ноги прядями своими да ждут, пока брыкаться перестанет. Потом вспарывают ей брюхо да вынимают сердце трепещущее и кладут то сердце внутрь лилии. Так вот, где они эту лилию на воду спустят, там она и потонет, да откроется Русалочий Омут бездонный. Уж тут-то им раздолье.

Выходят они потом на мелководе в лунном свете волосы чесать, а космы-то у них, почитай, до пят, и с них они громадную силу имеют. Полная Луна им кудри-то серебрит да чарами заклиняет, чтоб лицо их дивной красотой цвело да случайных путников завораживало, чтоб русалки тех с собой купаться манили, а уж в реке распластаются их локоны длинными лентами и, точно змеи тугие, обвяжут руки-ноги. Хоть и барахтается молодец, а выплыть они ему не дают и на дно за собой тянут. И чем длиннее пряди, тем больше в них лунной силы хранится, да тем вероломнее они тело опутывают.

Оттого и спасенье единственное – обходить реку стороной в лунные ночи, шагу на берег не ступать да коней на водопой не водить. Ну а уж коли попался на крючок, и дева тебя в кокон завернула да на глубину тянет, одно только средство – ей волосы отсечь. Без кудрей своих она силу-то потеряет да и отпустит тебя. Потому-то и нужно нож на поясе носить да никогда его не снимать, а главное, следить, чтоб наточен был. А иначе утащит на глубину на верную погибель. Видать и ты в такой Омут угодил.

– Что ж теперь будет? – испуганно зашептал Ниов. – Вдруг она за волосами своими вернётся?

– Да брось, – отмахнулся Гордей. Окромя июльских плясок под Полной Луной на сушу им ходу нет. Ты, главное, по темноте на луг не ходи да по ночам к воде не суйся.

Подуспокоившись, Ниов откинулся на мягкое сено, задумчиво покусывая сухой стебелёк, но тут же опять вскочил.

– А с этим-то мне что делать? Куда мне его девать? – выпалил он, тыча в лицо Гордею мягким клоком закрученных тугой спиралью локонов.

– А ничего не делать. Сожги, да и дело с концом.

Глава 4. Прядь

Огонь никак не хотел заниматься. Порывы ветра, толкавшиеся в бок, силились распалить уже струившиеся лёгким белесоватым дымком концы ветвей, но то ли прутья были слишком мокрые после ночной росы, то ли руки его настолько тряслись, что моментально сбивали мало-мальски вспыхнувшую красную искорку. Промучившись битых полчаса и изведя почти весь коробок, Ниов с раздражением швырнул охапку сучьев на землю и плюнул.

Длинная волнистая прядь лежала на траве, и лёгкий утренний бриз колыхал серебристые кудри, выбивая отдельные волоски, вздымавшиеся ввысь, словно пытаясь скользнуть от уготованной им печальной участи.

Поколебавшись, Ниов потянул их на себя и, пробежав пальцами по шелковистой поверхности, начал машинально наматывать их на палец. Послушные кудри ровными шелковистыми витками ложились на огрубевшую кожу, дразня щекочущим прикосновением. Перед глазами сию же секунду возник образ манящей незнакомки, дерзко освещенной бесстыжей Полной Луной.

Как тогда, он видел гладкую матовую кожу, будто подсвеченную ровным сиянием изнутри, длинные пушистые ресницы, густой бахромой трепетавшие над ярким сверканием глаз, мерцавших в полутьме кристально чистой лазурью,

и капризно поджатые чётко очерченные губы цвета спелой клубники, разомкнутые в игривой улыбке.

Буйный хохот раскатами зазвенел у него в ушах, и кто-то из-за плеча с усмешкой мелодично пропел:

– Ты что ж это, волос испугался, что ли?

Вздвогнув, Ниов резко обернулся, но сзади никого не было. Рывком смотав с пальца столь старательными кольцами уложенные локоны, он отбросил их в сторону и, склонившись над хворостом, чиркнул последней спичкой. Сухо проскрежетав, она полыхнула ярким факелом, и, подгоняемый каким-то безотчётным страхом, Ниов торопливо поднёс её к распластавшейся на траве белёсой змейке. В мгновение ока кудри всколыхнуло огнём, и в воздухе расплылся тошнотворный запах горелых волос. Сморщив нос, Ниов поднялся на ноги, но резкий женский вопль тотчас пригнул его к земле. Прошибая холодным потом, нечеловеческий визг рвал его перепонки, раскатываясь по жилам, стройным эхом отдаваясь под рёбрами, выжигая слёзы из глаз и скручивая кишки так, что, казалось, ещё секунда и его разорвёт изнутри.

Полуослепнув, Ниов заметался по поляне, как дикий зверь, лихорадочно оглядываясь. Рассветный месяц мерно посылал свои выбеленные лучи, кипучими барашками пенился поток на стремнине, пчёлы перелетали с цветка на цветок, благодушно обваливая пузатые тельца в ароматной пыльце, а в сердце Ниова вгрызался децибелами надсадный крик, словно рассвирепевший хищник, острыми когтя-

ми раздирая его живот.

Тёплая струйка засочилась по его виску, и, машинально прижав руку к щеке, Ниов с удивлением увидел алые пятна на кончиках пальцев. Резанув по груди, хищный вопль заставил его согнуться пополам. Не понимая, что он делает, Ниов кинулся обратно к ярко пылавшим прядям и, как был, босыми ногами принялся топтать вздымавшиеся огненным факелом остатки волос.

Стопы тут же обожгло невыносимой болью, но вопль стал затихать и, когда Ниов доплясал на тлевших кудрях, внезапно замер.

Выжатый до дна, Ниов повалился на колени, хватаясь пальцами за обгоревшие пятки.

– Скинуть их в воду, да и дело с концом, – пронеслось в измученном мозгу, и, протянув руку, чтобы зашвырнуть ненавистные космы в реку, он вздрогнул.

Длинная прядь раскинулась по траве уже знакомым ему жемчужным серпантинном. Не веря своим глазам, Ниов схватил кудри и поднёс их к лицу, но, сколько бы он ни обшаривал каждый отрезок гладкой поверхности, нигде не мог различить и следа обгоревших волос. Сантиметр за сантиметром пропуская гладко скользящие локоны сквозь пальцы, он ещё раз дотошно проверил их до самых кончиков и оторопел. Волосы были целые.

Будто свежесрезанная, прядь нахально отливала ему в лицо равномерным перламутровым свечением, и, перекрестив-

шись от такой чертовщины, он быстро смотал её в тугой клубок и сунул в карман. Не решаясь больше уничтожать колдовские космы, он вздумал отнести их бабке Зинаиде, местной повитухе, слывшей у сельских девиц знатной ворожеей.

Каждое воскресенье она появлялась на ярмарочной поляне, глухо постукивая истёршейся клюкой, и, волоча по траве громадную заросшую рыжим мхом древнюю корзину,ковыляла к торговым рядам. Устраиваясь особняком чуть поодаль, она раскладывала полукругом перетянутые бечёвкой корни, пучки трав и серые холщовые мешочки, полные целебных смесей: от глотошной, от живота, от озноба.

Чуть приоткрыв подслеповатые глаза, бабка Зинаида безошибочно определяла недуг, и имевшие нужду селяне привычно выменивали разложенные лечебные сборы на сахар, муку и вяленую рыбу. После того, как поток страждущих иссякал, деревенские Маньки, разодетые по случаю в лучшие свои расписные сарафаны, бочком несмело прокрадывались вплотную к ворожее и, стыдливо пряча глаза, шептали в тугое ухо свои девичьи страдания. Сгорбившись над костяной чашей, старуха кидала туда травы и сушеные ягоды, щедро приправляя щепотками соли и пепла, вполголоса бормотала над ними какой-то заговор и стёсанной каменной ступкой истирала в порошок. Осчастливленные чародейским снадобьем, Маньки торопливо ускользали прочь в ярмарочные ряды, пряча за пазуху бумажные свёртки с толчёными сухоцветами и украдкой оборачиваясь в боязни, как бы кто из зна-

комых не увидал и не понёс по соседям.

Если к кому и наведаться за советом, что ему делать с колдовской прядью, то только к ней. Авось, сподобит какой-нибудь отравой, да он уж на всё готов, лишь бы извести проклятые кудри да стереть речную ведьму из памяти как дурной сон.

А пока Ниов как можно ту же скрутил чародейские локоны и сунул навевающий жуть комок в небольшой железный амулет в виде наконечника стрелы, выкованный отцом аккурат к его рождению по настоянию матери, которая заботливо сыпала туда щепотку соли от сглаза и злых чар.

Глава 5. Колодец

Голову нещадно пекло. Солоноватые капли ручьями скатывались с висков, и Ниову казалось, что он весь купается в тошнотворном облаке тёплого пота. Отпыхиваясь, Ниов вытер взмыленный лоб насквозь отсыревшим рукавом рубахи. Июльский зной парил в небе, безжалостно прожигая тонкую ткань насквозь, и Ниову почудилось, что его взмокшая шея горит огнём. Пропитанный сладким ароматом лесной клубники, воздух вокруг обволакивал его удушливым покрывалом, с упоением проникающим в ноздри. Даже причудливая сень вековых дубов, шатром раскинувших ветви над головой, не приносила долгожданной прохлады.

Спасаясь от изнуряющего солнцепёка, бившего в самое темя, Ниов свернул с тропы и стал пробираться меж толстыми коричневыми стволами нелепо щетинившихся иссохшей корой исполинских деревьев. Через час ему уже предстояло открывать лавку, а путь был неблизкий. Отправившийся с самого утра Гордей, вероятно, успел проскочить по холодку, а Ниову, на полпути вспомнившему об оставленных в сарае подковах, пришлось возвращаться. Толстая отполированная дуга плетёной корзины оттягивала плечо, и, кляня свою рассеянность, Ниов с размаху переложил её в другую руку.

Мастерски выкованные отцом подковы слыли по всем окрестным сёлам самыми прочными и на ярмарке обычно

разлетались ещё до обеда. Ходивший у отца в подмастерьях Ниов всё пытался выведать его секрет и повторить такой успех. Одну за другой он выдавал россыпь подковок: побольше и поменьше, поуже и скруглённую, но всё было не то, а отец только усмехался себе в усы, отказываясь выдавать свою тайну, а потом за час производил такую подкову, что могла отходить и полста лет. И когда Ниов уязвлённо швырял молот под стол, отец лишь сурово поджимал рот и, насупив брови, внушительно чеканил:

– Плох тот мастер, у которого инструмент не в почёте.

Думая об отце, Ниов передёрнул плечами и раздражённо фыркнул. Ему хорошо говорить. Вверив сыну все базарные дела, он удалялся с местными мужиками в трактир и до самого заката, пока не утихал торговый гул, круг за кругом опрокидывал стакан, выслушивая последние сельские сплетни да пересуды, бросив Ниова весь день торчать у лотка, изнывая на испепеляющей жаре.

Вообще-то Ниов любил ярмарки. Ему нравился весёлый гам, разноголосое перекликивание и пёстрый калейдоскоп балаганных шатров. Однако сегодняшний день сулил мало приятного, и, со злости наподдав коленом болтающуюся под ногами корзину, Ниов ускорил шаг.

Он знал эти места и мог самой безлунной ночью наощупь найти дорогу меж густо разросшихся дубов. Отсюда до ярмарки напрямки нужно было продираться через чащобу, но Ниов ходко устремился вперёд, ловко перепрыгивая через

поваленные трухлявые стволы и пригибаясь пониже, чтобы, не сбавляя темпа, проскочить по туннелю меж низко нависавших сучьев, уныло шелестевших на ветру. Ступать по лесной подстилке было приятно, и, замечая, что земля пошла под уклон, Ниов прибавил ходу и чуть не вприпрыжку стал отмахивать под горку версту за верстой. Бойкие лесные птички довольно щебетали в резной листве, а раскинувшиеся узловатые стволы радовали глаз пушистой зелёной шапкой. По пути Ниов спугнул пару белок, с туго набитыми щеками ловко метнувшихся вверх к безопасному дуплу.

Совсем скоро лес поредел, и он вышел к колодцу. Одинокий дом на окраине села принадлежал местному попу. Покосившаяся крыша напознала на два маленьких притулившихся у самой земли оконца, а ставни настолько рассохлись, что под малейшими порывами ветра издавали протяжный заунывный скрип.

Наполовину заросший мхом колодец был излюбленным местом сельской детворы, когда, набегавшись вдосталь по заливному лугу, раскинувшись до самого горизонта, они неслись сюда освежиться и с визгом обливались студёной водой, брызгая друг в друга и весело хохоча.

Однако сейчас здесь было тихо. «Оно и немудрено. Малышня-то спозаранку уж на ярмарке», – подумал Ниов, подходя к избе, и вдруг остановился.

Прислонившись спиной к колодезному срубу, лицом к нему стояла сгорбленная старуха, завёрнутая в какие-то

пёстрые лохмотья. Увидав его, она оперлась на выдавшуюся виды кривую клюку и поманила дрожащей рукой, указывая на болтавшееся рядом ведро.

– Дозволь воды напиться, мил человек, подсобика старой, – натужно просипела она, вертя сморщенной головёнкой, увенчанной каким-то тюрбаном, из-под которого выбивались тонкие паутинки седых волос.

– Давай, бабуля, посторонись, – ответил Ниов, ставя корзину на траву и направляясь к колодцу.

Скинув ведро вниз, он досчитал до десяти и сноровистыми движениями принялся накручивать жалобно лязгнувшую ржавую цепь. Ловко поддев дужку, он плюхнул полное до краёв ведро на бревенчатый край колодца, расплескав воду на сморщенные босые ноги.

– Студёна водица-то, – заплясала старуха, забавно поёживаясь и поджимая по переменке то одну, то другую ступню.

– Само то в такую-то жару, – невольно ухмыльнулся Ниов, глядя на развернувшуюся перед ним пляску Святого Вита.

Бормоча что-то про ломившие кости, старуха сгорбилась над ведром, но тут же отпрянула, тыча корявым пальцем в прозрачную воду:

– Ты ж погляди, жаба что ль?

– Да откуда ж тут жаба, бабуля, – отмахнулся Ниов, склоняясь над кристально чистой водой, как вдруг что-то резко ударило его по темени и, брякнувшись челюстью о жестяные стенки, он обмакнулся лицом в воду. Инстинктивно отпря-

нув, Ниов вдруг услышал протяжный визг и почувствовал, как кто-то тяжёлый запрыгнул ему на плечи, придавливая всем весом и не давая поднять голову. Жилистые морщинистые руки обхватили его шею, и в ушах прогремел хрипло лающий скрипучий голос:

– Пей, голубчик, пей, не стесняйся!

Оттолкнув от себя опрокинувшееся ведро, гулко загрохотавшее по стенкам колодца, Ниов крутанулся вокруг, припечатав оседлавшую его бабку о крепкие брёвна колодезного сруба. Ойкнув, та обмякла, и, сбросив её с плеч, он резко обернулся, сгрёб её за шиворот и обомлел.

Вместо прорезанного морщинами ссохшегося старушечьего лица, на него скалилась юная прелестная дева с чуть затронутой персиковым румянцем гладью щёк и раскосой поволокой голубых глаз.

Видя его изумление, она звонко расхохоталась, и сдёрнула тугую ленту тюрбана, стягивавшую тряпичный узел на голове. В одно мгновение волосы рассыпались по плечам длинными серебристыми струями, покрывая руки и грудь каким-то отливавшим на свету бриллиантовыми искрами мерцающим каскадом.

– А что, Ниов, верни-ка мне мои волосы, – игриво поводя плечами, сказала она, указывая на единственное прореженное место надо лбом, отливавшее розовой залысиной. – Знаю, ты сохранил их. Хотел сжечь, да рука не поднялась, так ведь?

Не чуя под собой ног, Ниов раскрыл рот, чтобы ответить, но из его горла вырвалось лишь осиплое карканье. Приложив руку к груди и осенив себя крестным знамением, он стал медленно пятиться прочь от колодца.

– Уж не в амулете ли ты их носишь, да под самым сердцем? – насмешливо спросила прозорливая девица, уловив невольное движение его ладони. – Давай-ка его сюда.

Всё ещё отходя обратно в сторону леса и оказавшись возле поленицы, Ниов нащупал подле себя корявое бревёшко и, взмахнув им, как дубиной, угрожающе взревел:

– Пошла прочь!

– Что ж, и поленом в меня кинешь? Ай да удалец! – осклабилась она, обнажая ряд жемчужных зубов, и тут же прошипела, обезобразив злобной гримасой прелестное личико:

– Давай сюда амулет, говорю!

И, словно безумная, в исступлении налетела на него, впиваясь острыми ногтями в ухо, всё норовя сорвать с шеи тугую бечёвку, держащую бесценный клад.

Корчась от дикого жжения в разодранном ухе, Ниов вцепился ей в шею, держа на расстоянии вытянутой руки и хлётко охаживая её поленом. Но град сыпавшихся тяжёлых ударов, казалось, не причинял ей никакого вреда, и, с ужасом уставившись на свисавшее с боков разорванное платье, Ниов вдруг увидел, как ярко-красные рубцы, оставшиеся от его безжалостных тумачков на белоснежной девичьей коже, на глазах затягиваются новой нежной плёнкой, не оставляя

и следа побоев на молодом теле.

Крепко цапнув тонкими пальцами его ушную раковину, девица вдруг выкрутила её спиралью, заставив Ниова взвыть от боли. Выронив бревёшко, он обеими руками схватился за горевшее распухшее ухо, и, словно поджидая этого, она надавила ему на кадык и принялась забивать невольно открывшийся рот густыми клоками волос. Задыхаясь, Ниов отплёвывал их, но длинные космы, протолкнутые внутрь настырной девицей, щекотали ему глотку, вызывая тошнотворный рефлекс, а русалка, выпустив его голову, принялась бегать вокруг, с каждым разом набрасывая всё новый виток кудрей ему на шею. Чувствуя, как выворачивает наизнанку его внутренности от омерзительного ощущения волос во рту, Ниов грохнулся на землю, катаясь по траве и бессильно скребя пальцами душившие его вихрастые локоны. Не удержавшись, девица повалилась сверху и, оседлав его, кровожадно вцепилась в шнурок, рассекая клыками тонкую нитку. Завладев амулетом, она склонилась к его лицу и, глядя прямо в вытаращенные глаза, зашептала в открытый в агонии рот:

– Али не любя я тебе, что каждый раз от меня сбегаетшь?

Внезапно ослабив тугие кольца, намертво перерезавшие его натужную шею, она что-то забормотала скороговоркой себе под нос, и уже зашедшийся в приступе дикого рвотного кашля Ниов вдруг понял, что его рот свободен. Нежно приникнув щекой к его взмыленной груди, она острым когтем вспорола рубаху и принялась разгорячёнными ладонями

разминать его тело, опускаясь всё ниже.

В голове Ниова завертелась яркая карусель дубовых верхушек, одиноко торчащего ввысь колодезного журавля и жарких губ, с придыханием шепчущих его имя, и, вяло дрыгнув будто отнявшейся рукой, он почувствовал, как гибкое тело на нём выскальзывает из платья. Плотное полотно обрушилось ему на голову, закрыв собой свет Полуденного Месяца, и, отдавшись инстинктам, он перестал видеть и слышать.

Глава 6. Гордей

Сознание медленно возвращалось. Словно уносимый вдаль стремительным течением, Ниов продвигался по длинному светлому тоннелю к ослепительному белому сиянию, ощущая лишь бесконечное движение вокруг и внезапную острую тишину.

Грубый шлепок по щеке вырвал его из небытия и заставил поднять веки.

– Живой! – облегчённо констатировал заботливо склонившийся над ним весь мокрый Гордей и, обернувшись, радостно заорал кому-то за спиной: – Живой!

Послышались неразборчивые девичьи ахи-вздохи, какая-то возня, и невесть откуда взявшаяся Аглашка, заботливо приподняв его голову, мягко подложила под шею скатанный валик. За ней вновь подскочил Гордей, поднося к губам полупустое колодезное ведро. Чувствуя, как в груди всё горит, Ниов сделал пару жадных глотков и отвалился от края.

– Ну, ты, брат, даёшь, – вне себя от возбуждения принялся скакать по поляне Гордей, вздымая руки кверху: – Ты зачем в колодец-то полез?

Не добившись от Ниова сколь-нибудь вразумительного ответа, Гордей принялся рассказывать сам, шаг за шагом восстанавливая цепь событий.

Нагнав по пути неспешно шествующую на ярмарку

Аглашку, Гордей по-джентльменски вызвался сопровождать её через Дубраву. Слегка отвлёкшись от истинной цели их похода, они дали по лесу крюк, завернув в охотничью сторожку, исключительно для того, чтобы, как утверждал отчего-то вспыхнувший пунцовым маком Гордей, проверить, не завалились ли там после охотников остатки дичи на продажу. После чего, уже опаздывая к открытию, заторопились напрямки и выбежали к той самой поповской избе. Увидав раскиданные по траве обрывки рубахи и сиротливо болтающееся на цепи ведро, Гордей насторожился, а едва Аглашка угодила ногой в крапиву и укололась, то сразу подняла визг до небес. Это, однако, оказалась не крапива, а обычная трава, а ногу ей порезал острый наконечник стрелы-амулета, валявшийся в кустах. Сообразив, что дело нечисто, Гордей кинулся осматривать поляну, а перепуганная до смерти Аглашка подсобила и в третий раз, решив напиться.

Перегнувшись через полусгнившие края колодца и, увидав внизу белеющее тело, она заорала что есть мочи, переполошив всех птиц в округе, и Гордей, скумекав, что это и есть его сотоварищ, полез вниз доставать Ниова. С горем пополам вытащив его из колодца, они распластали хладное тело на траве и принялись давить на грудь и хлестать по щекам, откачивая утопленника.

Теперь, слава богу, всё было позади. Пришедший в себя Ниов попробовал встать, и только Аглашка, за полчаса поседевшая от пережитого стресса, наотрез отказалась идти на

какую-либо ярмарку, заявив, что на сегодня она уже нахлебалась развлечений.

Убедившись, что Ниов худо-бедно держится на ногах, Гордей извиняющимся тоном объявил, что раз такое дело, долг зовёт его сопроводить икающую от переизбытка впечатлений Аглашку до дома, и, отмахнувшись от него рукой, Ниов поковылял к пленнице и стал смотреть, как их спины удаляются в лес, исчезая среди деревьев.

Грудь натужно болела, пазухи носа будто раздирало изнутри, и, привалившись спиной к бревёшкам, он скользнул на корточки, бессмысленно теребя в руке возвращённый Гордеем амулет. Металлическая крышка была откинута, но внутри было пусто. Серебристая прядь испарилась вместе с русалкой.

Глава 7. Охота

Стараясь сильно не плюхать вязнувшими в глубоком донном иле ногами, Ниов крадучись продвигался сквозь камыши, высоко над водой нацелив хищно блестящие в свете месяца начищенные зубья вил. Разворачивая корпус то влево, то вправо, склоняясь над темнеющим потоком и бесшумно огибая торчащие из воды пучки рогоза, он неотвратно приближался к добыче.

Ещё с вечера галдящая от возбуждения толпа перепуганных босоногих мальчишек принесла в село весть о том, что совсем недалеко, на бычьем перекате, они видели русалку. По всей видимости, повредив хвост, она цеплялась за камни, оборачивая рану слоями тянувшихся со дна водорослей, и тихо стонала. Выспросив у ошалелых сорванцов все подробности, Ниов собрал мужиков, и с самого утра они отправились с бреднем за версту выше по течению, чтобы, спускаясь вниз до самого переката длинной цепью, раскинувшейся от берега до берега, спугнуть раненую нежить.

Ниов двинулся им навстречу, чтобы, затаившись в засаде среди разросшихся камышей, острыми вилами встретить загнанную на него добычу.

Отсюда деваться ей было некуда. В самом узком месте реку запруживал огромный валун, величавый плоский камень, вероятно, принесённый сюда ещё во времена стародавнего

оледенения. Единственный оставшийся проход перегораживали стройные ряды рогоза, меж налитых стеблей которого и поджидал свою жертву Ниов. Стопы будто погружались в неплотную донную кашу, и, теряя точку опоры, он непрерывно переступал с места на место, не спуская глаз с водного пятка, переливавшегося золотистой рябью, и чутко прислушиваясь.

Полупрозрачные голубые стрекозы жужжали над водой, на несколько секунд зависая над стремниной, будто высматривая что-то в бурном потоке. Одна из них подлетела совсем близко, и, подивившись узорчатой красоте сетчатых крыльев, Ниов протянул к ней палец. В ту же секунду в камышах послышались резкие хлопки по воде, и из-за поворота показалась крупная рыба. Скользя под поверхностью длинной серебристой стрелой, она ловко вспенивала бурлящий поток невероятных размеров рыбьим хвостом, прицельно лавируя меж зарослей рогоза, очевидно, устремляясь к свободной протоке. Инстинктивно сжавшись, как хищник перед прыжком, Ниов молниеносно оценил расстояние и скорость движущегося тела и, почти не целясь, с силой метнул вилы. Не выпуская из рук гладкое дерево, он всем весом налёг на черенок, пригвождая ко дну отчаянно затрепыхавшееся тело. Уже знакомая ему жёлтая ядовитая муть поднялась со дна, заслоняя обзор, но, не обратив внимания на резь в голых ногах, он сунул свободную руку в самую сердцевину расплывшегося по воде пятна и, нашарив под водой густые

пряди, рывком выволок добычу на берег. Не останавливаясь от невыносимого жжения в заживо разъедаемых щиколотках, не оглядываясь на молотившееся по камышовым кочкам тело и игнорируя сдавленные стоны и вопли, Ниов вытащил её на воздух и с резким шлепком отбросил скользкое тело на траву.

Только тут он разглядел, что почудившиеся ему гигантский раздвоенный хвост на свету оказался мелкой пружинистой сеткой, плотно обволакивавшей точёные женские ноги. Застрявшие в ячейках капли воды переливались радужными искрами, создавая иллюзию радужной чешуи.

В остальном же эта была обыкновенная девушка, очень юная, прикрытая лишь богатым веером ниспадавших светлых волос.

Забившись под ближайший куст, она испуганно смотрела на него исподлобья, поджав колени к груди, и отсюда Ниов не мог разглядеть зияющую рану на ногах, о которой вчера толковали мальчишки. Не было видно и укулов от вил на плече.

Насупившись, он перевёл взгляд обратно на место, откуда они вышли на сушу. Отчётливо видневшийся след примятой травы поблёскивал каплями воды, но, обшаривая его беглым взглядом, он нигде не находил кровавых следов. Сорвавшись с места, русалка дёрнула было к реке, но, в два шага догнав, он ухватил её за локоть и круто развернул к себе.

Поражавшее чистой красотой лицо девушки озарилось

столь невинной улыбкой, что, и сам того не желая, он невольно почувствовал, как уголки его губ расплываются в ответ.

– Отпусти меня, – мягко попросила она, заглядывая ему прямо в душу бледно-голубыми глазами, и мягко провела ладонью по волосам, замерцавшим таинственными искорками.

Чувствуя, как слабеет его воля, и от пьянящего взгляда лазоревых глаз подкашиваются ноги, он с размаху опустил всё ещё крепко сжатые в правом кулаке вилы себе на ногу. Тёплая кровь брызнула ей на кожу, и, завизжав, девушка отпрянула. Раздирающая боль ледяным ушатом окатила Ниова, и, вырвавшись из плена её колдовских чар, он прыгнул ей на грудь, повалил на траву и принялся обматывать тугим обручем волос нежную шею. Захрипев, девушка заскребла руками, стараясь освободить горло, но он только туже стягивал душивший её обруч, пока круглые лазоревые глаза не вылезли натужно из орбит, обезобразив милое личико. Лишь тогда он отпустил волосы и, полуотвернувшись, с размаху залепил ей пощёчину. Миниатюрная головка дёрнулась от резкого удара, и, стукнувшись виском о корявую толстую ветку нависавшего над ней куста бузины, русалка испустила жалобный вскрик и замерла.

Глава 8. Черно книжник

Лодку мерно покачивало. Стоя на коленях на самом краю, Ниов не утруждался грести, длинным шестом лишь направляя украшенный витиеватой резьбой узкий нос в самое сердце потока. Плавное течение невесомо несло лёгкое судёнышко вперёд, где прямо по курсу гигантскими виноградными гроздьями нависали суровые скалы, превращая негостеприимный берег в подобие каменного улья. Заросшие грязно-бурым мхом отвесные стены вздымались ввысь к самому небу, норовя обрушить убийственный камнепад на непрошенных пришельцев. Где-то здесь в лабиринте зияющих чёрных провалов скрывалось логово Черно книжника.

Со дна лодки послышался приглушённый стон, и, не оборачиваясь, Ниов толкнул носком ноги тугой свёрток, издали напоминавший скатанный в рулон ковёр. Связанная умелыми узлами по рукам и ногам, русалка попыталась сесть, но стянутые ладони тщетно искали опору на гладко выдолбленных стенках, и, не удержавшись при очередном покачивании на волне, она с шумом рухнула обратно на дно.

– Эй, там, не дёргайся, – окликнул её Ниов, всё так же не сводя глаз с темнеющих гнёзд в каменных аркадах.

Что-то блеснуло на дальнем конце стреловидного скального останца почти у самой воды, и, ловко лавируя меж осыпных валунов и неглубоких кружащихся водоворотов,

Ниов уверенно повернул лодку туда.

Нависая с обеих сторон, мрачные серые скалы здесь почти смыкались каньонным капканом над головой, и, внезапно охваченный каким-то жутким предчувствием, Ниов встретился и окликнул:

– Эй-йо! Есть тут кто?

Секундная вспышка вновь озарила край обрыва, и, приободрившись, Ниов стал усерднее отталкиваться шестом, стремясь поскорей высадиться на твёрдую почву. Низкий свод каменного грота нависал почти у самой кромки воды. Разросшийся малиновый лишайник зловещей багряной мантией укутывал полускрытый пещерный зев. Путеводная искра сверкнула опять, и, причалив к негостеприимному угрюмому берегу, Ниов ловко выпрыгнул из лодки, протацив её за нос на полкорпуса на сушу. В одну руку он взял короткий кривой нож для разделки рыбы, а другой потянул за плечо связанную пленницу, грубо вытряхнув её на гальку. Неуклюже перебирая затёкшими босыми ступнями по острым каменистым ступеням, она медленно двинулась вперёд. Не спуская глаз с безучастной с виду русалки, Ниов размотал верёвку на полметра, без труда поспевая ей в след и тяжело дыша в хрупкий девичий затылок.

Пригнувшись, чтобы не задеть покрытый корявыми наростами пещерный потолок, Ниов пихнул застопорившуюся у входа деву в спину, и она сделала ещё пару неуверенных шагов вглубь чернеющего грота.

В царившем здесь полумраке Ниову почудилось, что его со всех сторон окружила какая-то кровавая дикая свора, скалящаяся во тьме белеющими клыками, но, присмотревшись, он различил отрубленные головы хищников, стройными жуткими рядами угрожающе ошестинившиеся на уровне плеч. Трофейные волчьи пасти, медвежьи морды и узкие лисьи носы хищно вздыбились справа и слева. Их жуткого вида безжизненно остекленевшие глаза отчего-то светились приглушённым красноватым отливом, а отточенные клыки казалось, целились прямо в горло.

Ощущая, как поднимаются по хребту непрошеные мурашки, Ниов крепче сжал нож и, робея, ступил чуть дальше. Из угла навстречу ему залаял сухой отрывистый кашель.

– С чем пожаловал? – лязгнул в темноте заржавленным скрипом низкий старческий голос.

– Вот, русалку привёл, слёзы выменивать.

– Русалку это хорошо, – одобрительно крякнул невидимый глазу колдун. – Дай-ка я посмотрю.

Послышался слабый всплеск, и, внезапно озарившись оранжевым сиянием, прямо в глаза Ниову ударил подомашнему тёплый свет, исходивший от чёрной громадины чугунного котла, приютившегося под злобно огрызающейся кабаньей рожей. Незнакомая грязно жёлтая жижа, громко чавкая, исходила неоднородными пузырями, поглощая засушенные дьявольские грибы, и тут же с отвращением выплёвывая их обратно, будто младенец, не распробовавший ман-

ную кашу. Зачарованный невероятным зрелищем, Ниов ступил ближе и, склонившись над варевом, вдруг заметил, что, засасывая один сморщенный грибной силуэт, горчичное месиво тут же извергало уже парочку, разлетающуюся по разные стороны котла, где, потонув повторно, каждый из них в свою очередь разрождался двойней. С ежесекундным хлопанием грибов становилось всё больше, а в пещере делалось всё светлей.

– Занятная штука, верно? – просипел скрытый во мраке голос, и сухощавая желтушная рука, вся усыпанная полусохшими кровавыми коростами и жуткого вида огромными бородавками, изогнутыми в полумесяц острыми чёрными когтями вцепилась в серебристые пряди пленницы, потянув её на себя. Послышался глубокий вдох, словно невидимый чернокнижник хотел напитаться ароматом её волос, и с удовлетворённым кряхтением таинственный голос подтвердил:

– Верно, русалка. До чего юная! Ну, мне в самый раз, – и, внезапно разразившись, хрипло захохотал отрывистым карканьем.

Раскатываясь гулким эхом под нависавшими сводами, приступы громового смеха оглушили Ниова, и, чувствуя, как у него поплыло перед глазами, в ушах поднимается шум и кружит голову, он дёрнул верёвку ближе к себе. Не удержавшись на ногах, русалка шлёпнулась плечом о ближайшую скалившуюся морду, и, повернув шею, столкнулась нос к но-

су с омерзительным кабаньим рылом, кровожадными клыками выпирающими ей прямо в глаз. Взвизгнув, девица отпрыгнула и метнулась прочь, врезавшись в огромную махину котла. Тягуче загудев, чародейский котёл опасно накренился, и, чуть не опрокинув содержимое на себя, едва балансируя и вцепившись в край, чтобы не упасть, она свесилась волосами вниз над пузырящейся жижей, как вдруг возопив: «Не смей!» – мелкая фигура выскочила из темноты, рывком подняв чуть не впечатавшуюся лицом в тошнотную жижу русалку за загривок и отшвырнув её прямо в ноги Ниову.

Врезавшись ему в бедро, девица связанными руками дёрнула Ниова за колено, и, пошатнувшись, он ухватился за первое, что подвернулось под руку, пропоров раскрытую ладонь хищным волчьим клыком.

Оглушающий хлопок отбросил девушку на пол, но, не отпуская его штанину, она умудрилась перевернуться на колени. Повторный треск подкинул её вверх. Повёрнутая к Ниову спиной, она барахталась у его ног, лицо было скрыто под водопадом серебристых волос, и он не видел, что именно с ней происходило, но хлопки не прекращались, сотрясая её плечи будто бы от беззвучных рыданий, и, желая положить конец этой чертовщине, Ниов отпнул её коленом прочь. Приземлившись навзничь, девушка растянулась на полу пещеры, и Ниову вдруг почудилось, что шапка волос на ней стала больше. Серебристые пряди внезапно заколосились гуще, и, если раньше они робкими струями спадали вдоль тела, едва

прикрывая стройную девичью фигуру, теперь густой копной легли ей на плечи, спускаясь до самых пят.

– Ах, ты! – просипел таинственный голос, и тёмная фигура, обернувшись мелким жилистым старикашкой, ухватила Ниова за кисть, норовя вырвать из его пальцев остро отточенное лезвие.

– Пошёл прочь, – взревел он, не понимая, что происходит, и окончательно зверея от осознания собственной беспомощности.

– Режь ей волосы! Секи их! – возопил старикашка, вцепившись в кулак Ниова и одновременно подталкивая его к распластавшейся на камнях девушке. – Режь, говорю!

По инерции шагнув вперёд, Ниов отпихнул от себя безумного мерзкого старикашку и на мгновение заколебался. Подскакивая от нетерпения, тот коршуном налетел на связанную девушку и, обеими пригоршнями загребая так и норовившие выскользнуть сквозь пальцы закрученные локоны, вновь завопил:

– Секи ей космы, секи скорей!

– Это ещё зачем? – нахмурился Ниов, выдвигая вперёд руку с ножом.

В то же мгновение что-то хлётко цепануло его запястье, и он с удивлением увидел, что рука, державшая нож, скручена струящейся шелковистой нитью. В воздухе раздался негромкий свист, и вторая серебристая лента тугой змейкой обвила его горло. Рассекая воздух, две пряди протянулись к ло-

дыжкам, и, сбив нависавшую над плечом разинутую волчью пасть, подсечённый Ниов рухнул на пол напротив девушки.

Всё ещё связанная путами, она уже сидела, злобно сощурив васильковые глаза, и сквозь белевшие в темноте щёлки Ниов разглядел бешено мечущиеся горошины зрачков, словно вкруговую окатывающие пещеру. Восставшие белые пряди секли во все стороны, сшибая со стен клыкастые морды, распарывая Ниову рубаху на животе, с бешеной силой молотят по пыльной земле и вздымая в воздух облако пыли.

Издав какой-то приглушённый клёкот, Чернокнижник вытянутой рукой поймал на лету невесть откуда взявшийся резной посох, но хлестнувшая прядь тут же обвила его спиралью, выдирая палку из цепких рук, и, не желая отпустить единственное оружие, старик рванул его на себя. Словно пушечное ядро тяжёлая кабанья голова просвистела мимо уха Ниова, прицельно пригвождая выпирающими клыками грудину колдуна к стене. Захрипев, тот задёргал руками и ногами, словно гигантская рыбина, пронзённая гарпуном, но вслед кабану с потолка обрушилась оскаленная волчья пасть, с хрустом вгрызаясь прямо ему в лицо. Послышался ужасающий треск костей, заглушивший сдавленный крик, и бессильно обмякнув, чародей повис, скапывая с себя тёмно-алые бусинки.

Белые нити отпрянули, и, оставшись без поддержки, бездыханное тело рухнуло на пол. Приподнявшись на локте, Ниов с ужасом уставился на разможжённый старческий че-

реп, совсем забыв о русалке. Шорох за ухом застал его врасплох, и, резко обернувшись, он вдруг ослеп, когда тугая прядь непроницаемой повязкой легла ему на веки. Открыв рот, он хотел ухватить зубами стоявшую за спиной девуцу, но сомкнувшиеся челюсти хлопнули, схватив пустоту, а в следующее мгновение его сотряс страшный удар по затылку, и в завертевшемся волчком в голове оранжевом отсвете пещеры кто-то вдруг погасил свет.

Глава 9. Слепота

Очнувшись, Ниов с трудом разлепил веки и тут же, не выдержав, заорал от страха. Ослепшие глаза видели перед собой чёрное ничего, и сколько бы он ни хлопал ресницами, ни тёр кулаками вытарашенные глазные яблоки и ни напрягал зрачки, мир отказывался предстать перед ним во всей видимой полноте, будто плотной портьерой завешанный непроницаемым мраком. Обезумев от испуга, он подскочил на ноги и принялся бесцельно метаться по сторонам, спотыкаясь о раскиданные податливые валуны и распарывая ладони о зубчато заострённые выступы ошетилившихся мелкой тёркой холодных каменистых стен. Угодив ногой в какую-то расщелину, Ниов полетел вперёд и грохнулся оземь, чуть не расшибив себе лоб о клиновидный скальный останец. Ощупав тычущий в лицо обрубок, оно опознал огромный хищный клык, и хаотично ползающая в кромешной тьме рука нашарила жёсткую шерстистую поверхность. Оттолкнув от себя зверюгу, Ниов услышал, как тот гулко перевалился на бок и замер, и тут же опознал в незнакомом предмете волчью пасть, слетевшую со стены.

Должно быть, он всё ещё был в пещере. Затеплившаяся крохотным лучиком надежда бросила его вперёд, и, то и дело поскальзываясь на грязных покатых камнях, он на карачках пополз прочь от головы, каждые пару метров замирая,

задрав нос и с шумом втягивая в себя затхлый горький воздух. Ободрав колени, он уже было решил, что выбрал неверное направление, как вдруг впереди повеяло водной свежестью. Ускорив движение и без разбору расшвыривая в стороны попадавшие под руку камни, кости и черепа, он ринулся к выходу и, не заметив, как перескочил невидимый порог, кубарем вывалился из пещеры, больно скатившись к реке по безжалостно намявшим ему бока каменным ступеням.

Вокруг по-прежнему царила непроницаемая тьма, впереди явственно слышалось журчание воды, и, протянув руку, он потерял равновесие и со всплеском угодил по локоть в реку. Сомнений не оставалось, он был снаружи. Однако распахнутые до боли глаза упорно отказывались различать что-либо вокруг, и Ниов, опустив лицо в студёную воду, принялся яростно промывать и тереть веки. Это не помогло, и в бессильной ярости он откинулся на спину, гадая, может он и вправду ослеп, или всему виной неестественно сгустившаяся тьма.

Внезапно слева послышались голоса, и издалека по воздуху стало мерно приближаться голубоватое пятно. Уставившись на эту спасительную кляксу в ночи, словно боясь хоть на мгновение упустить её из виду и вновь потонуть в пучине непроглядного мрака, Ниов следил за точкой, которая плавно перемещалась к пещере. Послышался тихий всплеск, и только тут он понял, что это кто-то неспешно плывёт по течению. Не желая ещё раз испытывать на себе колдовские ча-

ры, Ниов погрузил обе руки по плечи в поток и беззвучно затащил себя в реку. Осторожно перебирая ладонями по дну, он стал медленно продвигаться вдоль берега прочь от грота, оставив над водой лишь голову.

Отойдя на полсотни метров, он затаился на мелководье, не упуская из виду зев пещеры и краем глаза отслеживая всё приближавшийся светоч. Голубоватое сияние зависло в аккурат напротив грота и, развернувшись строго перпендикулярно, направилось ко входу. Внезапно вознесясь над тёмной гладью воды, огонёк превратился в серебристые волны, отчего-то лёгкие вертикально, и, догадавшись, что это отливающие сиянием волосы, Ниов вперил глаза во тьму, силясь различить лицо обладательницы столь пышной гривы. Чутьё не подвело его – это была русалка. Нет, не та милая юная прелестница, что наивно пыталась неумело соблазнить его в камышах, а та, первая, что задушив волосами, топила его в ночь Ивана Купалы, а потом, обернувшись немощной старухой, вернулась к колодцу за колдовской прядью.

Выйдя на берег, девушка легко пробежала по камням и исчезла в пещере, волоча за собой длинный синеющий во тьме хвост из локонов. Лишь только она скрылась из виду, Ниов, покрепче прихватив в кулак свой чудом уцелевший в схватке нож, погрёб к берегу.

Глава 10. Засада

Притаившись в густой черноте, Ниов выжидал в засаде у грота, держа наготове холодный голыш. Набивавшаяся ему в помощники безлунная ночь плотным непроницаемым покрывалом укутала вход в пещеру, скрыв в густых тенях напряжённо согнутую фигуру с занесённым камнем в поднятой руке. Лёгкий шорох донёлся изнутри, и обострившийся до предела слух различил в темноте невесомые шаги, направлявшиеся к выходу. Едва мерцающее облако серебристых волос выплыло из грота, Ниов выпрыгнул из своего укрытия и с размаху ударил тяжёлым каменным обломком в самый центр светящегося пятна. Охнув, девушка завалилась на бок, и, на этот раз не теряя ни минуты, Ниов бросился на корточки, невидимым во мраке кривым лезвием кромсая серебристые кудри. Не останавливаясь, он исступлённо рвал белые пряди, отхватывая кусок за куском, а то и выдирая целые клочья. Отрезанные длинные локоны тут же блёкли во тьме, словно приглушённые абажуром, и, отброшенные на камни, потихоньку гасли, будто таяли, пока не исчезали совсем. Ниову показалось, что они словно испаряются в густом мраке, и, протянув руку, чтобы убедиться, что они не исчезли, он с облегчением коснулся скрытой во тьме шелковистой поверхности. Русалка пошевелилась, видимо приходя в себя, и протяжно застонала, но, не давая ей опомниться, он

снова шибанул камнем сузившийся светящийся круг, и, обмякнув, она откинулась на камни. Теперь Ниов не спешил, а методично слева направо срезал прядь за прядью, поддевая непослушные волосы изогнутым лезвием у самых корней и отбрасывая их за спину. С лёгким плеском они падали в реку и, подхватываемые быстрым течением, легко уносились прочь по волнам. Когда с длинными косами было покончено, он взялся за белеющую в темноте макушку и принялся полускоблить-полусрезать остатки волос с темечка. Ещё пара минут, и всё было кончено. Отпыхиваясь и утирая пот со лба, он поднялся на ноги и, шатаясь, побрёл к воде. Опустив в реку горящие ладони, он с наслаждением умылся студёной водой и, отфыркиваясь, напился.

Раздумывая, что делать дальше, Ниов нерешительно потоптался у распластанного на камнях тела и, решив дождаться рассвета, стянул с себя рубаху. Разорвав её на длинные лоскуты, он нашарил во тьме тёплые руки и принялся туго связывать их, обездвигивая русалку. Та, однако, не подавала признаков жизни, и, в тревоге замерев, Ниов напряжённо вслушивался в повисшую тишину, пока его чуткое ухо не уловило слабый вдох. Тогда, успокоившись, он накрепко скрутил тонкие кисти и, нащупав мокрые стопы, тем же манером обмотал щиколотки. Усевшись чуть поодаль от тела на плоский прибрежный валун, он вперил глаза во тьму в том направлении, откуда доносилось мерное дыхание, и принялся терпеливо ждать рассвета.

Глава 11. Прозрение

Громкий всплеск воды разорвал предрассветную тишь. Вздрогнув, Ниов подскочил на камне и, чуть не скатившись с него, окончательно проснулся. Сморённый навалившимися напряжёнными часами долгого ожидания, он, должно быть, задремал. Первые рассыпанные веером лучи Рассветного Месяца уже показались из-за дальних скал, золотистыми шпагами рассекая остатки стремительно рассеивавшейся тьмы. Потянувшись, Ниов повернул голову в сторону оставленной накануне пленницы и оторопел. Не веря своим глазам, он неловко поднялся с камня и на затёкших негнущихся ногах, спотыкаясь, заковылял к русалке. Колыхаясь под лёгкими дуновениями утреннего ветерка, нагонявшего прохладу с воды, то тут, то там среди камней валялись клочки срезанных волос, и серебристыми лентами змеились меж валунов отхваченные впопыхах пряди. Небольшая голова речной чаровницы, наполовину лысая, отливала в предрассветных лучах розовой незагорелой кожей, которая резко контрастировала с грубой морщинистым пергаментом шеи и рук.

Сияясь рассмотреть, Ниов склонился поближе, и крик замер у него в горле. Вместо точёной девичьей фигуры, манившей сочными изгибами бёдер и пышной груди, которые врезались ему в память ещё в тот первый раз у реки, когда, презрев одежду, русалка купалась полностью обнажённой, его

глаза упёрлись в скрюченные сухощавые старческие мощи, покрытые сморщенной, как урюк, желтоватой кожей.

Раскинувшись на камнях, у его ног лежала ничем не прикрытая старуха, та, что встретила ему у поповского колдунца. Не двигаясь и не дыша, словно зачоченевшая мумия, она в жалобном крике приоткрыла увядший беззубый рот, уставаясь чёрными запавшими глазами на скрюченные когтистые пальцы, судорожно сжимавшие последнюю отрезанную прядь. Перекрестившись, Ниов стал медленно пятиться к реке, не сводя глаз с иссохшейся старухи, пока вода не поднялась ему по грудь. Тут он развернулся и, не вспоминая о лодке, качавшейся в затоне на приливной волне, отвернулся и погрёб против течения, словно крыльями огромной мельницы отмахивая широченный гребки, стремясь поскорей уплыть от дьявольской пещеры.

Глава 12. Ворожея

– Да нет тут никакой чертовщины, – рассудил Гордей, расслабленно откинувшись спиной на толстый берёзовый ствол и с наслаждением потягивая холодное пиво из берестяной кружки. Вдвоём с Ниовом они вышли во двор трактира и сидели, удобно устроившись в тени разросшегося дерева, спасаясь от палящего зноя на охлаждавшем травянистом покрывале. – Ты ж волосы-то ей пообкорнал, вот она силу свою и потеряла. А вместе с ней и молодость. Все ж знают, что русалки вечно юными ходят да не стареют, чтоб добрых молодцев в свои сети завлекать. В кудрях у них всё колдовство спрятано, а как ты ей пряди-то поотрезал, стало быть, чары-то с неё и спали, вот она обратно старухой и обернулась.

– Ворожба всё это дьявольская, – глухо бурчал Ниов, отгоняя от себя навязчивое видение жилистых ссохшихся рук и покрытых старческими бородавками узловатых пальцев.

– Ну а коли так боишься, пойди вон к бабке Зинаиде, она всю правду расскажет, держится ли ещё колдовство али вышло всё, – резонно предложил Гордей, всем своим видом показывая, что тема ему наскучила.

Действительно, с момента своего возвращения в село, Ниов уже в двадцатый раз рассказывал ему о том, что произошло в пещере, при каждом удобном случае норовя задать свербящий в подсознании неотступно мучивший его вопрос:

– Как думаешь, кончились чары-то все, или, раз я русалку загубил, теперь она мне с того света являться станет?

Привыкший рассуждать разумно и будучи от природы реалистом до мозга костей Гордей с ходу заявлял, что коли уж русалка испустила дух, то и взять с него больше нечего, а на том свете ей не до Ниова будет вовсе, чай найдёт, чем себя занять поувлекательнее.

Обсосав приём у чернокнижника, ночную схватку и утреннее прозрение, на третий раз Гордей окончательно потерял всякий интерес к теме, лишь с дружеской снисходительностью выслушивая не прекращавшееся нытьё отчего-то трусившего теперь Ниова.

В тот же вечер, возвращаясь с покоса, Ниов приотстал от пёстрой толпы деревенских баб и мужиков, громко галдящих от опьяняющего чувства окончания работы и весело шлёпавших по пыльной дороге в предвкушении долгожданного вечернего отдыха. Собравшись с духом, Ниов свернул с пыльной дороги, перерезавшей пополам желтеющую ниву, на еле проглядывавшую стёжку, едва различимой примятой травой уходившей в сторону Дубравы.

Там под сенью вековых деревьев на укромной поляне хоронилась неприметная сторожка, куда на лето перекочёвывала бабка Зинаида, с раннего утра ещё затемно отправляясь по окрестным лесам и лугам в поисках целебных трав и кореньев. Вечерний Месяц уже игриво проглядывал сквозь резные верхушки дубов, карабкаясь всё выше

на небосклон, и Ниов надеялся, что ворожея уже успела вернуться из ежедневной вылазки в поля. И верно. Продравшись сквозь заросли колючего кустарника, обильно заповолившего весь подлесок, Ниов вывернул под сень раскидистых зелёных кудрей и, обогнув толстенный ствол, вышел на поляну.

Меж гигантских коней исполинского в три обхвата дуба примостилась низенькая избушка с крошечным кривеньким оконцем. Отчего-то поставленная на тонкие сваи, она напоминала сказочную избушку на курьих ножках, колдовское убежище Яги Костяной Ноги. Подивившись на странную конструкцию, Ниов, однако, заметил, что из накренившейся закопчённой трубы вытекают вверх клоки лёгкого белого дыма, и, приободрившись, в три шага пересёк лужайку и, затаив дыхание, смело постучал в трухлявый косяк.

Скрипнув, дверь подалась внутрь, и, не увидев никого в открывшемся проёме, Ниов почувствовал, как напускная храбрость со свистом улетучивается из его жил, словно воздух из проколотого шарика. Не желая отступить, он толкнул дверь ещё дальше и перешагнул порог. Несмотря на крошечное почерневшее от копоти оконце под самой крышей, здесь было светло. Жёлтые языки пламени весело плясали в большом очаге, игриво полизывая пузатый котёл, висящий над потрескивающими поленьями, то и дело возмущённо шипя и пенясь, когда кипящее в котле варево особо бурным всплеском переливалось за край. В дальнем углу избы спиной к

двери стояла сама бабка Зинаида, сторбившись над столом и колдуя над разложенными пучками свежесобранных трав. Одной рукой прижимая к себе охапку высоких полевых ромашек, другой она ловко отщёлкивала жёлуди, раскладывая по шесть в каждой кучке. Услышав, как кто-то вошёл, она повернулась и, увидев Ниова, ослабила беззубый рот в благодушной улыбке:

– Заходи, заходи, голубчик. Не робей.

– Я тут это, за советом к тебе пришёл, – отчего-то нескладно начал объяснять Ниов.

– Ты проходи, проходи, милоч. Я уж сейчас досчитаю. Присядь вон пока, – неопределённо махнула она рукой.

Увидав спрятавшуюся под столом низенькую колченогую табуретку, Ниов кое-как примостился на ней, внезапно сравнявшись носом с грубо обтёсанной столешницей. Бормоча под нос какой-то расклад, ворожея наскоро закончила подсчёт и, смахнув все желудёвые кучки в большую плетёную корзину, ворохом рассыпала по столу тонкие стебельки ромашек.

– Теперича три недели им сушиться, а после растолку в порошок, – обращаясь уже к Ниову, поделилась знахарка и, прихрамывая, направилась в его сторону. Соскочив с табурета, он угодливо подставил ей сиденье, но, отмахнувшись от него как от назойливой мухи, она просипела:

– Сиди, сиди, милоч, – и прошаркала мимо стола к котлу. Помешивая густое варево, судя по растекавшемуся запаху,

напоминавшее грибной суп, она не глядя обратилась к Ниову, взгромоздившемуся обратно на табурет.

– Чего-й то стряслось у тебя, коль меня проведать решил? – участливо спросила она.

Спотыкаясь и перескакивая с проклятого колодца на грот Чернокнижника и обратно к ночному купанию, Ниов сбивчиво изложил запутанное дело. Не оборачиваясь, ворожея ворошила поварёшкой кипящий бульон, и Ниов, повествуя о гибели распятого на стене старикашки, угрюмо гадал, слушает ли она его. Но едва он упомянул своё прозрение и русалку, приплывшую в ночи проверить пещеру, она развернулась и вперила в него казавшиеся бездонными пронзительно чёрные глаза, светившиеся такой пронизательностью, что Ниов вдруг замялся и смолк.

– Да ты говори, говори, не стесняйся. Подробно всё излагай.

Рассказывая, как он остриг оглушённую русалку, Ниов поднял глаза на ворожею и подивился. Подавшись вперёд, она вся обратилась в слух, и забытый метровый половник деревянным маятником мерно раскачивался в застывшей руке. Сверля Ниова пристальным взглядом, ворожея вдруг перебила его, спросив:

– Что ж, прямо наголо сбрил?

– Начисто, чтоб наверняка соскрёб, – ответил он.

Больше она ничего не спрашивала, и он продолжил рассказывать. Голос его звучал глухо, и едва он закончил, по-

висла тишина, прерываемая лишь возмущённым бульканьем бурлящего на огне варева. Не сказав ни слова, ворожея покачала головой и вновь принялась молча размешивать суп. Опасаясь, как бы она не отказалась помочь ему, Ниов поднялся со стула и с мольбой кинулся к ней:

– Мочи нет, боюсь я её, как бы не стала она мне теперь по ночам являться! Подсоби, чем сможешь, бабулечка, а уж я в долгу не останусь!

– Тёмное это дело, – стоя спиной к нему, глухо сказала ворожея. – Магия русалочья самая сильная, лунным светом дарована, оттого и природе угодна. Чары их, почитай, вечные, вот и не стареют они, а уж коли обрить ты её сунулся, так великое проклятье на себя навлѣк.

– Что ж теперь делать-то? – вконец растерявшись, пролепетал обескураженный Ниов, отступая на шаг.

– Да ничего. Ты не горюй, – отбросив поварѣшку, внезапно твёрдо сказала знахарка и решительно направилась к дальней стене, где на криво приколоченном узком подоконнике примостились гроздья пузырьков и склянок.

– Счас, счас, не переживай, изыщу я для тебя средство, – зашептала она скороговоркой, ловкими пальцами перебирая флакон за флаконом. – Счас, счас, погоди, милоч.

– Вот! – торжественно объявила ворожея, извлекая крохотный пузатый пузырёк, весь покрытый сантиметровым слоем пыли. Поставив бутылѣк перед Ниовом на стол, она повелительно приказала:

– Его выпить надо!

Нерешительно повертев в руке не внушающий доверия заляпаный флакон, Ниов покрутил его в ладони и, смахнув пальцем налипшую пыль, вдруг заметил слабое молочно-белое свечение, исходившее изнутри. Обтерев стеклянные бока рукавом рубахи, он двумя пальцами аккуратно поднял склянку к носу и повернул её на свет. Вспыхнув серебристыми гранями, пузырёк заискрился в оранжевом отсвете пламени, и незнакомая матовая жидкость внутри заиграла перламутровыми переливами.

– А что там? – шёпотом благоговейно спросил Ниов, прильнув глазами к жемчужно мерцающим вспыхивающим и гаснущим созвездиям.

– То русалочки слёзы, верное средство. Они великую мощь в себе таят, любую прихоть исполняют.

– Куда ж мне их?

– А ты просьбу то свою загадай, да глотни, а там уж будь спокоен – всё как надо сложится.

– Что загадывать-то?

– А так и скажи, мол, хочу, чтобы ни одна русалка на меня отныне не серчала и ни малейшего вреда мне учинить не смогла в отместку об убиенной сестре.

– А сбудется?

– Дело верное, слеза всё загаданное исполнит.

Поднося флакон к губам, Ниов вгрызся зубами в тугую пробку, но ворожея громким шлепком по руке неожиданно

остановила его.

– Да не здесь пить-то надо, не сейчас. Ты пойди в полночь на реку, да зайди в воду по грудь, там и выпьешь.

– А разве можно мне ночью к воде соваться? Не ровен час утащит под воду дева речная.

– Не бойсь, не утянет. Ты, главное, не медли, сразу пей, да желание загадать не забудь. Тут-то всё и случится. Получишь ты свой покой.

– Вот спасибо, бабуля! Век не забуду! Чем же тебе отплатить?

– А ничего не надо, ступай с миром.

– Да как же это так, родная, вот хоть золотой за помощь возьми, – растерянно произнёс Ниов, вытаскивая из кармана заранее заготовленную монету.

– Ты выпей сначала. Потом уж рассчитаемся.

– Ну, спасибо, бабулечка. Знать, наведаюсь ещё к тебе с благодарностью, свидимся.

– Свидимся, милоч, знамо дело, – отчего-то улыбаясь, прошептала ворожея, с усмешкой сверля его прозорливыми чернильными глазами из-под пёстрого платка.

– Ну, бывай, – потянулся к двери Ниов.

– В добрый путь, голубчик. Да не забудь, в полночь по грудь зайди да слова загадай, – заскрипела она вслед.

Но он уже не слышал. Выскочив на крыльцо, Ниов размашисто зашагал по поляне, вдыхая лесной аромат полной грудью, подгоняемый чувством громаднейшего облегчения.

Глава 13. Слеза

Когда взошла Полная Луна, Ниов был уже у реки. По его подсчётам время было чуть за полночь, и, спускаясь по уже знакомому травянистому косогору, он заторопился и чуть не слетел вниз. Сбавив темп, Ниов дошагал до песчаной отмели и остановился у самой кромки воды, внимательно оглядывая местность.

С реки не доносилось ни звука. Из-за тёмных кустов, застывших гротескными часовыми на берегу, не было видно никакого движения, лишь быстрое течение журчало, вспенивая небольшие барашки посреди потока. Круглолицая белая луна освещала пустынный пляж, и, отчего-то вспомнив свою первую встречу с русалкой, Ниов передёрнулся, как от озноба. Ему вдруг стало не по себе. Оглядывая безлюдную тишь над водой, он старался убедить себя, что русалка мертва, и, как сказала ворожея, ему ничего не угрожает. И всё же с каждой минутой непрошенная дрожь всё больше наползала ему под кожу, и, чувствуя, как его начинает трясти мелкой лихорадкой, Ниов решительно выхватил склянку из поясного мешка и, не снимая штанов, устремился в воду.

Шлёпанье босых ног по мелководью разметалось по реке громким плюханьем, и, забредя по колено, Ниов замер, словно испугнутая дичь, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Сердце колотилось в его груди, но прошла минута, другая, он

всё стоял, не шевелясь, однако всё было тихо. Мотнув шеей и отбросив от себя всякие глупости, так и норотившие залезть в голову, Ниов со злости протаранил водную гладь и, когда чёрное зеркало поднялось ему по грудь, остановился. Уже не мешкая, зубами он ловко выдрал плотную пробку и, мимолётом отмечая заискрившийся в лунном свете перламутровый блеск флакона, залпом глотнул неведомую жидкость.

Проскочив в рот, она обожгла ему горло и, тут же сменив жар на леденящую стужу, разлилась по венам. Ниову показалось, что его внутренности заскрипели, будто замороженные изнутри. Осознав, что, прислушиваясь к своим ощущениям, он совсем позабыл про желание, Ниов крепко зажмурился, чтоб не сбиться, и скороговоркой зашептал заранее вызубренные слова ворожеи: «Хочу, чтоб ни одна русалка на меня отныне не серчала и ни малейшего вреда мне учинить не смогла в отместку об убиенной сестре».

Ледяной холод, разлившийся по сосудам, обернулся вдруг приятным теплом, которое волнами раскатывалось по рукам и ногам, согревая до самых кончиков пальцев. Открыв глаза, Ниов окинул быстрым взглядом прибрежные ивы. На пляже всё оставалось так же, кроме того, что он вдруг почувствовал в тебе удивительную лёгкость. Списав это на наконец-то полученную свободу от тревог, он решил искупаться и кинулся в воду, как был, в прилипшей рубахе. Вынырнув на поверхность и довольно отфыркиваясь, он неспешно погрёб вдоль берега, лениво позволяя течению нести его. Рас-

слабленно взмахивая сильными руками, Ниов уверенно продвигался вперёд, размышляя о том, как дивно освежает прохладная водица. Скользящая по бедру шелковистая лента застала его врасплох, и, сбившись с ритма, он забарахтался и с головой ушёл под воду, но тотчас же сильным рывком выскочил на поверхность, будто поплавок, и замолотил к берегу.

Доплыв пару метров, он нащупал ногами дно и выскочил на мелководье, в страхе оглядываясь на черневший поток. Тихий всплеск раздался совсем рядом, и, развернувшись, Ниов увидел знакомую до боли кудрявую прядь, серебристой змейкой обвившуюся вокруг колена. С отвращением отбросив от себя белый клочок, он отбежал туда, где было еще мельче, но прилипчивый локон не отставал, буравя усыпанную отражёнными звёздами гладь позади, теперь уже справа, и подбираясь к торчащим над водой лодыжкам. Завертевшись волчком, Ниов вперил глаза в залитую ярким лунным светом выбеленную отмель, но нигде не увидел и следа русалок. Белая прядь закрутилась вслед за ним, и, не понимая, откуда она взялась, ведь волна едва доставала ему по щиколотку, и речным девам негде было тут спрятаться, разве что с головой закопаться в песок, он выхватил из воды серебристый комок и принялся наматывать его на кулак, торопливо покрывая сжатую ладонь небрежными витками. Внезапная острая боль обручем сдавила виски, и, недоумевая, какая сила скрючила его тело, он согнулся пополам, приникнув лбом к коле-

ням, и чуть не упал в воду. Задёргав головой, чтоб освободиться, он внезапно увидел, как задрогался в такт его собственный сжатый кулак, подвешенный на намотанных прядях. Еще до конца не осознав, что происходит, он отмахнул кулаком влево, будто разя невидимого противника, и тут же, словно по туго натянутой струне, его голову резко мотнуло влево. Расширенными глазами уставясь на дьявольски плясавшие пряди, Ниов спешно размотал их с ладони и помчался на песок, тряся головой из стороны в сторону, словно обезумевшая взбрыкнувшая лошадь. Следуя за ним, неутомные космы били его по рукам и спине, и, запутавшись от ужаса в подкосившихся ногах, он грохнулся на колени. Не отстававшие локоны тут же тяжёлой копной рассыпались по его плечам, и, немея от осознания своего превращения, он принялся ощупывать шелковистую массу на затылке. Вытянув самую длинную прядь, замерцавшую серебром в лунном свете, он вдруг заметил, как причудливо вытянулись его пальцы. Будто бы отпаренные в бане, они блестели на свету несвойственной ему белизной, не оставившей ни пятнышка от засохшей грязи, ни свежих натёртых мозолей. Корявые обломанные ногти с чернеющими грязью дугами вдруг удлинились и ровно легли овальными розоватыми пластинами.

Взвыв от невыносимой догадки, Ниов повалился на бок, ощупывая трясущимися пальцами непривычно мягкие изгибы и ошалелыми глазами обшаривая пышно вздыбившуюся в просвете прилипшей рубахи призывно просвечивающую в

лунном сиянии округлость.